

ЗВЕЗДЫ ПАДАЮТ ВВЕРХ

р о м а н

За ним
охотятся все.
Первое дело
капитана
Петренко.

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Агент секретной службы

Анна и Сергей Литвиновы

Звезды падают вверх

«ЭКСМО»

2001

Литвиновы А.

Звезды падают вверх / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2001 — (Агент секретной службы)

Одним взглядом он укладывает к ногам любимой женщины троих вооруженных бандитов. Без видимых усилий отгадывает любую карту из колоды. Выигрывает в казино семь тысяч долларов... Такой человек может быть опасен. Спецслужбы предпринимают операцию под кодовым названием «Рентген», согласно которой этот «волшебник», капитан Иван Кольцов, должен быть ликвидирован. Как же он стал таким необыкновенным, этот человек, подозреваемый в убийстве собственной жены и вынужденный скрываться ото всех, видя врага в каждом?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Анна Литвинова, Сергей Литвинов

Звезды падают вверх

Глава 1

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ГЕРОЕВ

2 августа. 7 часов 45 минут.

Москва, аэропорт Внуково.

Капитан Петренко

Черная «Волга» на минуту притормозила перед контрольно-пропускным пунктом аэропорта Внуково. Охранник взглянул на пропуск. Не спеша отворил железные ворота. Машина с мигалкой понеслась по летному полю. Миновав длинные ряды самолетов, она подъехала прямо к трапу старенького «Ту-154».

Самолет уже стоял под парами. Двигатели надсаживались.

Стюардесса ждала на верхушке трапа. Ее лицо выражало крайнюю степень нетерпения.

Капитан Петренко быстро вышел из машины, взял с заднего сиденья чемоданчик, бросил водителю: «Спасибо». Хлопнул дверцей авто и взбежал по трапу. «Здравствуйте и извините», – сказал он стюардессе. Та, само недовольство, не ответила. Неохотно пропустила капитана в чрево самолета и сразу принялась задривать люк. Другая стюардесса, лет пятидесяти, была радушной. Она сказала Петренко, сверкнув золотыми зубами: «Проходите в конец салона».

В самолете было жарко, словно в сауне. Пассажиры изнемогали. Петренко пошел по проходу, стараясь избегать их взглядов. Самолет стал потихоньку выруливать к взлетке.

Ради миссии капитана Петренко вылет рейса 1177 авиакомпании «Внуковские авиалинии» по маршруту Москва – Ростов-на-Дону был задержан на двадцать минут.

Через семь минут они взлетели. Ветхий «Ту-154» гудел и трясся. Капитан глянул в иллюминатор и отвернулся. Слишком часто доводилось видеть ему удаляющуюся под крылом самолета землю. Надоело.

Он сидел у окна. Места рядом были свободны. Вот и хорошо. Никто не мешает ему обдумать дело. То дело, ради которого телефонный звонок разбудил его сегодня в половине шестого утра.

– Вставай, мой мальчик, – раздался в трубке голос полковника Савицкого.

– Слушаю, Владимир Евгеньич, – пробормотал хриплым со сна голосом Петренко.

Столь ранний звонок мог быть связан только с работой. Поэтому назвать Савицкого «дядей Володей» Петренко никак в эту минуту не мог. Но именовать его, согласно уставу, «товарищем полковником» у Петренко язык тоже не поворачивался.

– Есть для тебя одно дельце, – мягким голосом проговорил полковник. – Через полчаса выходи на крылечко, я пришлю за тобой машину. Шофер привезет конверт. Вскроешь и прочитаешь по дороге...

– По дороге – куда?

– В аэропорт.

Хотя линия была защищена от прослушки, полковник даже не намекнул о характере дела. И названия аэропорта не упомянул. Куда Петренко предстояло лететь? В Тулу? В Астрахань? А может, на Колыму?

– Унты брать? – спросил окончательно проснувшийся Петренко.

– Кто его знает, – неопределенно проговорил полковник.

Черт бы побрал эту секретность! Впрочем, будь у него командиром кто-то другой, а не «дядя Володя» Савицкий, Петренко даже невинного, но неуставного вопроса про унты не смог бы себе позволить.

– Будь внимателен. И желаю удачи, – проговорил на прощание полковник.

– Постараюсь. Спасибо за доверие.

Петренко дал отбой своему мобильному телефону и десять секунд лежал, собираясь с мыслями. Затем резко вскочил с кровати. Времени на зарядку не оставалось. Капитан сунул ноги в шлепанцы, перекинул через плечо полотенце и, как был в трусах, поспешил по коридору общаги в душ.

Несмотря на ранний час, общежитие потихоньку просыпалось. За стеной одной из комнат раздалось жеребьячье ржание. В другой выл магнитофон: «Ветер с моря дул, ветер с моря дул...».

Петренко ни по званию, ни по возрасту не полагалось проживать в этом общежитии с удобствами в конце коридора. Но перевели его из Питера в столицу всего полгода назад. А получение квартиры ожидалось не ранее сентября. Вот и приходилось ютиться в комитетской общаге, где жили, как правило, молоденькие лейтехи, сразу после высшей школы или училищ.

Однако бытовые неудобства не тяготили капитана. Удручало отсутствие двух его любимых девочек – супруги Олечки и дочери Юлечки, двадцати семи и пяти лет от роду соответственно. Петренко, убывая в Москву, решил звонить им, дабы не подрывать семейный бюджет, всего один раз в неделю. Однако не выдерживал, набирал родимый номер чаще. Да и Олька наезжала из Питера в Белокаменную не единожды в месяц, как они постановили на семейном совете, а примерно раз в две недели. Тоже скучала, миленькая, без ласки. Чуть не все капитанское денежное довольствие уходило на эти поездки.

Впрочем, чего роптать. Как писано в уставе, военнотружущий обязан стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы. Вот Петренко и переносил.

Спустя полчаса после звонка полковника Савицкого капитан Сергей Петренко, бодрый и благоухающий туалетной водой «Жиллет», стоял на крылечке комитетской общаги, держа в руках заблаговременно приготовленный «тревожный чемодан» – его Олечка собрала заботливыми своими ручками. «Тревожным чемоданом» капитан Петренко пользовался после перевода в Москву впервые.

К крылечку общаги подрулила черная «Волга» с мигалкой и шофером в штатском. Капитан сел на заднее сиденье. Шофер лениво поприветствовал его: «Здравия желаю!» и протянул конверт с двумя сургучными печатями. Петренко расписался в получении. Водила резко, как Шумахер, взял с места.

Капитан вскрыл конверт. «Волга» летела по пустынным московским улицам на скорости сто сорок километров в час, проскакивая светофоры на красный.

Дело, заключенное в конверте, потрясло Петренко.

Оно состояло всего из четырех страничек. Первой лежала шифрограмма из управления ФСБ по Ростовской области. Второй – шифровка из штаба Северо-Кавказского военного округа. На обеих стоял гриф ОБ – особой важности. Шифровки во многом повторяли одна другую.

Если перевести с казенного военно-юридического языка на общечеловеческий, в них сообщалось следующее:

11 августа, то есть вчера, в 14.30 в военном городке Азов-13, расположенном в семи-десяти километрах от Ростова-на-Дону, в одной из квартир пятиэтажного дома был обнаружен труп хозяйки, Марины Петровны Кольцовой, 1965 года рождения, замужней, не имеющей детей, временно не работающей.

Однокомнатная квартира, в которой проживала гражданка Кольцова, была расположена на третьем этаже стандартного «хрущевского» дома. Следов взлома входной двери, а также оконных проемов не имелось. Все окна и форточки, несмотря на жару, были закрыты изнутри.

Утром того дня, 11 августа, Марина Кольцова собиралась поехать вместе с соседкой в Ростов на вещевой рынок. Они договаривались встретиться за проходной военного городка на остановке рейсового автобуса. Кольцова на встречу не пришла. «Проспала», – подумала соседка и уехала в Ростов без нее. А когда завершила в областном центре свои дела и вернулась в военный городок, то позвонила в квартиру Кольцовой – сначала по телефону, а затем в дверь. Никто не ответил. Соседка осведомилась у соседей. Никто не видел, чтобы Кольцова утром куда-нибудь выходила – в военных городках, подобных Азову-13, все обычно знают все и обо всех, это капитан Петренко помнил по себе, по собственному детству. Соседи разволновались. В 14.30 их беспокойство достигло высшего градуса, и они вызвали участкового. Участковый решил взломать дверь в квартиру.

Взломали – и обнаружили лежащий посреди комнаты труп.

Марина Петровна Кольцова проживала вместе с супругом, Иваном Петровичем Кольцовым, 1966 года рождения. Кольцов вот уже год как был комиссован из рядов Российской армии по болезни. Получал пенсию по инвалидности. Подрабатывал частным извозом. Вечером 10 августа, то есть накануне того дня, когда был найден труп, соседи слышали у Кольцовых шум ссоры. Затем Иван Кольцов выскочил из дома с двумя чемоданами, побросал их в багажник своего «жигуленка» и укатил в неизвестном направлении. С той поры он больше в Азове-13 не появлялся.

Вроде бы произошло обыкновенное бытовое убийство... Но... когда бы дело обстояло так, милиционерам не пришлось бы брать у тех, кто обнаружил труп, строжайшую подписку о неразглашении. И им самим не пришлось бы давать своему начальству столь же строгую подписку. И не разбудили бы тогда в половине шестого утра капитана Петренко. И не пришлось бы ему сломя голову мчаться по улицам Москвы во Внуково...

Потому что труп Марины Кольцовой, обнаруженный внутри наглухо закупоренной квартиры, имел такие повреждения, которые получали люди, упавшие на землю с большой высоты. С очень большой высоты! Километра два или три.

То же самое время.

Черноморское побережье Кавказа.

Поселок Абрикосово. Лена Барышева

Лена проснулась с радостным предчувствием. Сегодня должно произойти что-то хорошее. Обязательно что-то радостное должно сегодня случиться!

Она засмеялась. Что, интересно, может быть радостного? От отпуска осталось два дня. И послезавтра – прощай, море! – на самолет и в Москву.

А вот поди ж ты: радостное настроение не оставляло.

Лена секунду понежилась под прохладной простыней, а потом резко отбросила ее и вскочила. Чего разлеживаться, когда два последних дня плещет для нее голубое море, блистает жаркое солнце и яркая зелень гор окружает пляж!

Лена босичком подошла к зеркалу. Спала она обнаженной. Даже кривобокое, со шербинками зеркало не могло скрыть ее красоты. «Ах, как она хороша!» – подумала о себе Лена в третьем лице цитатой из Льва Толстого. Она вся была напичкана цитатами. Что поделаешь – профессиональное. Чего еще ждать от училки? Учительницы русского языка и литературы в московской гимназии номер двести восемьдесят восемь с углубленным изучением гуманитарных предметов – классной руководительницы десятого «Б». Да, как она хороша: разведенная худенькая красавица двадцати девяти лет!

О, ее ученички, ее любимые мальчики, дорого бы дали, чтобы увидеть свою Елену Геннадьевну сейчас обнаженную перед зеркалом! Не одному из них потом являлась бы она в грешных снах, не один мастурбировал бы при воспоминании о теле училки!

В самом деле, хороша. Роскошная грива черных волнистых волос. Бесенята в глазах – черных глазах на загорелом, разглаженном, отдохнувшем лице. Худое, стройное тело. Ни грамма лишнего! Вся покрыта ровным кофейным загаром, только небольшой треугольник над волосами внизу – белый. Даже грудь целиком загорела.

Лена была в Абрикосове первооткрывательницей – первооткрывательницей груди. Загорала «топлесс», только на сосочки клала камушки. Сперва на нее все на санаторном пляже до неприличия пялились. Она, спрятавшись под солнечными очками и закрыв глаза, всей кожей, каждым волосочком чувствовала эти взгляды: похотливые и оценивающие – мужские, презрительные и завистливые – женские. Ну и черт с ними. Здесь, в Абрикосове, она одна. Ни единого знакомого человека. Можно делать все, что захочется.

Вскоре народ по привычке к виду ее обнаженной груди. А затем то одна, то другая, то третья девушка стали следовать ее примеру, избавляясь от верхней части купальника. Не многие, конечно, а те, кому формы позволяли. Вот и умнички, думала про них Лена. Даешь свободу! Смерть мужикам! Нарушим броским декольте патриархальную целомудренность древней деревни Абрикосово!

За окном номера проорали петухи.

«Интересно, откуда в санатории петухи?» – подумала Лена. И тут же сама себе ответила: – Наверно, сотрудники держат». – На задах ее корпуса были расположены одноэтажные домики, в которых проживал персонал.

По коридору, было слышно, уже топали отдыхающие, направляясь стройными рядами и колоннами на завтрак. На фиг его, этот санаторский завтрак, на фиг! За девятнадцать деньков пребывания в казенном заведении его, так сказать, «вкусная и здоровая» пища уже стояла у Лены поперек горла. Все эти творожки, кефирчики, отварные яички, геркулесовые каши... Хватит! Сейчас побегу на пляж, выпью там чашку крепчайшего кофе и съем чебурек. Даже две чашки кофе и два чебурека. Вот им всем, поборникам здорового питания! Лена показала язык своему отражению – худощемому, смуглому, озорному – и отправилась в ванную комнату.

По потрескавшейся плитке уверенно вышагивали тараканы. Горячей воды опять не было. И это санаторий бывшего Четвертого главного управления Минздрава! И это – номер люкс!

Что поделаешь, на Анталию или на Кипр в этом году не хватило денег. Вернее – на сам факт поездки хватило бы, однако отнюдь не на отдых. На заграничном курорте можно было позволить себе прожить недельку, а никак не три. А так хотелось подальше – и на подольше! – убежать из осточертевшей раскаленной столицы. Забыть о своей надменной директрисе, об ученичках, молодчиках-охламонах, об их продвинутых родителях с сотовыми телефонами наперевес... Что лучше – одна неделя на Кипре и без тараканов или три недели, но с отечественными?.. Риторический вопрос. Кому что нравится.

Лена спокойно относилась к тараканам. Она смыла их струей ледяной воды. Быстренько почистила зубы.

Вот теперь можно и на пляж.

Солнце еще не встало из-за гор, было по-утреннему прохладно, но день обещал быть ярким. И жарким. И еще каким-то... Почему-то думалось, что счастливым... Почему – непонятно.

Лена вышла из корпуса и бодрым шагом направилась к морю. На территории санатория стояла полная – если не считать петушиного крика – тишина. Отдыхающие принимали пищу. Лена в одиночестве шла по могучей эвкалиптовой аллее и предвкушала, как она бросится в ослепительно прозрачное утреннее море. По дороге вдруг вспомнила, как одиннадцать лет назад – еще живы были родители – она гуляла по этой же аллее этого же самого санатория. Одна, совсем одна... Нескладная, угловатая... И мечтала о том, как рядом с ней вдруг останется шикарная белая машина с открытым верхом, из нее выйдет ОН, протянет букет цветов... Смешно вспоминать: надо же было быть такой наивной! Какие уж тут, в Абрикосове, принцы... Горячие южные парни – есть, пропитые кубанские казаки – есть, романтические московские студенты – встречаются. А вот с принцами – напряженка. И поэтому сегодня она никого не ждала. Сыта по горло этими, с позволения сказать, принцами. И белыми машинами без верха тоже. Одну угнали, а вторую Макс разбил так, что не удалось даже на запчасти продать. И цветов ей больше не надо – муж всегда приносил «извинительные» охапки роз после своих безумных гулянок. Муж... Бывший муж... Слава богу, уже бывший...

Лена не спеша шла по аллее и слушала пробуждающееся южное утро. Вокруг – ни души. Только вдалеке горячо дышит, зовет еще невидимое отсюда, но такое притягательное море.

Весь отпуск Лена просидела пайнкой. На нее, была ли она «топлесс» или же в полном обмундировании, постоянно клевали мужики – но не то все это было... Не то... Их назойливому обществу Лена предпочитала книгу или просто собственные мысли. Сидела на балконе в номере с чашкой кофе, собственноручно сваренного собственным кипятивником. Или отсиживалась в санаторном парке на кривобоких лавочках – в укромных уголках, чтобы не добрались до нее подвыпившие искатели приключений.

Ей было хорошо наедине с собой. Без людей, без общения, без курортных интриг. Только так, в полном одиночестве, она отдыхала от муравейника-школы и от скандалов с экс-муженьком. «Сижу как бобылиха, – подкалывала сама себя Лена. И сама же себе отвечала: – Ну и чудненько, зато – нервишки лечатся». Что уж говорить, расшатались нервы за этот год. Слишком много народу ее доставало: по утрам – школьнички, а по вечерам – бывший, но по-прежнему не слишком адекватный муженек Макс.

К нынешнему лету ее даже начало раздражать собственное отражение в зеркале – в нем отражалась вроде она, оптимистка-хохотушка Леночка, только взгляд стал противно тусклым. А тусклый взгляд ей не идет! Значит, надо начинать бороться за яркий взгляд! Бороться с неврозом – так это, кажется, называется?

Злюка-невроз отступил только под конец отпуска. Утонул в Черном море, расплавился под южным солнцем. Не понадобилось ни снотворных таблеток, ни успокаивающих настоек. Только море, солнце и полное одиночество. За пару дней до отъезда Лена наконец почувствовала себя совсем молодой и здоровой. В теле ощущались поразительная легкость и свежесть – как будто она не училка Елена Геннадьевна, без малого тридцати уже лет, а юная шестнадцатилетняя Ленка на каникулах.

Она чувствовала, что готова. Готова к тому, что наконец произойдет что-то новое. К тому, что случится что-то хорошее. Случится именно сегодня. Произойдет нечто настолько хорошее, что ради него не жалко будет расстаться с полюбившимся отпускным одиночеством.

Скоро все изменится. Встреча, которую она предчувствовала, сегодня произойдет. И жизнь понесется с такой головокружительной быстротой, какая ей даже не снилась.

Ну и чудненько. Именно это ей сейчас и нужно.

В то же самое время.

Москва. Казино «Византия».

Алла Бельская

Раннее утро – самое сложное время.

Утром аура в казино взрывоопасная: часам к шести становится ясно, что отыгаться не получится. Вернешь сотню – а проигрыш приближается к штуке...

Интеллигентные игроки в это время мрачнеют, а «быки» – их, разумеется, большинство – начинают придираться к дилерам и материться.

Крупье тоже не железные. Ночью они еще хоть как-то держатся, но к утру им становится все трудней сохранять на лице дежурную приклеенную улыбку.

У Аллы не было фиксированного графика работы. Многие в казино весьма бы обрадовались, когда бы она вообще здесь никогда не появлялась. Дала бы коллективу возможность спокойно разворовывать «Византию».

Но Алла никому и никогда не позволяла держать себя в стороне от большой игры. А раз ты играешь по-крупному, раз ты – босс, тут уж, хочешь не хочешь, сложные участки приходится брать на себя. Поэтому она всегда старалась находиться на работе в самое тяжелое утреннее время. Утихомиривать разбушевавшихся игроков и «строить» уставших от однообразия дилеров.

В семь утра она сходила в душ и сменила блузку – в шкафу ее кабинета всегда висела свежая одежда. Стерла косметику, умылась холодной водой и наложила легкий утренний макияж. Глаза покраснели – спасибо регулярным бессонным ночам. В уголках глаз проглядывали мелкие морщинки – когда она высыпалась, их обычно заметно не было. Алла внимательно всмотрелась в зеркало – определенно пора готовить пару штук на «золотые нитки». Как ни страшно это звучит, но ей уже за сорок. Совсем чуть-чуть, но за. А она хотела бы всегда выглядеть хотя бы на тридцать два. Тело еще можно поддерживать в форме – шейпингом, тренажерами, теннисом, пробежками. Алла гордилась, что при росте сто семьдесят она весила всего пятьдесят три. А вот лицо... Одними масками и косметичками не обойдешься. Работа, годы, плюс бессонные ночи накладывали свой отпечаток. Придется, как бы этого ни хотелось, прибегнуть к хирургическим средствам. А пластические хирурги в нынешнее время совсем недешево стоят...

Ну и бог с ними, с деньгами. Лучше уж на себя потратить, чем просадить в казино за один вечер, как это делают заядливые игроки. Алла до сих пор не могла понять, уразуметь до конца, откуда люди берут такие деньги... И зачем с упрямством деревенского осла проигрывают их в казино... Впрочем, что жаловаться!.. Ведь только благодаря игрокам она могла позволить себе и дорогую косметику, и блузки от Валентино, и – в будущем – «золотые нити». Словом, весь тот уровень жизни, к которому она уже давно успела привыкнуть.

В семь часов сорок пять минут утра (как раз в то время, когда капитан Петренко всходил на борт самолета во Внуково, а Лена Барышева просыпалась в своем номере в абрикосовском санатории) Алла спустилась в игровой зал. Девушки-крупье не преминули оценить, что хозяйка, как всегда, выглядит свежо, холодно и недоступно.

Ночная смена, которая надеялась спокойно достоять до девяти и с легким сердцем отправиться по домам, засуетилась. Девушки-крупье принялись спешно натягивать под столом туфли, а мужчины – застегивать верхние пуговицы рубашек. Все знали, что хозяйка ненавидит беспорядок в одежде и даже лично проверяет маникюр у дилеров.

В казино было пустовато. Что поделаешь – лето. Завсегдатаи перебрались в Монте-Карло – кормят буржуйские игорные дома. Несчастные студенты – а в «Византии» они появлялись регулярно с потной столондаровой бумажкой в кулачке – разъехались на каникулы.

У столов для покера и блэк-джека – никого, кроме скучающих дилеров. Лишь на одной из рулеток упоенно играл пожилой длинноволосый армянин. Его глаза горели нехорошим, отчаянным блеском. Алла прошла к столу и тихонько поинтересовалась у супервайзера: «Много проиграл?» Тот быстро и раздосадованно ответил: «Везет ему!»

– В каких пределах... везет?

– Уже пара штук. С двух ночи.

Алла присмотрелась к игре. Через несколько бросков шарика она определила, какую из многочисленных игровых систем использует везучий армянин. Все эти суперсистемы, якобы дающие возможность обыграть казино, она давно и тщательно изучила. И армянин не изобрел ничего нового. «Все это мы проходили», – подумала Алла. Сперва игрок ставит на первые восемнадцать цифр, затем – на вторые восемнадцать. Если проиграл – увеличивает ставку. Сначала повышает вдвое, потом на одну треть. Затем опять вдвое... «Подкованный попался, – злорадно подумала Алла. – Бывает, что с этой системой и везет. Если дилер бросает стабильно – то в начало, то в конец».

– Смена давно была? – тихо спросила она у супервайзера, наблюдателя за несколькими игровыми столами.

– Десять минут назад.

– Пронин сегодня работает?

– Да.

– Зови.

Аллу здесь слушались беспрекословно, посему Пронина спешно выдернули из комнаты отдыха. Через минуту он уже стоял за столом. Игрок-армянин, казалось, смены дилера даже не заметил. Он продолжал ставить – то на начало – первые восемнадцать цифр, то на конец – последние восемнадцать.

Алла, которая симпатизировала способному крупье с чекистской фамилией Пронин, слегка улыбнулась. Парень понял, зачем его позвали. Теперь Алла может спокойно поработать у себя в кабинете.

Через полчаса в дверь почтительно постучались. На пороге стоял Пронин. По его улыбке Алла поняла, что все в порядке.

– Семнадцать раз попадал в конец! – гордо отчитался он. – А хачик ставил на начало.

– Какой плюс?

– Тысяча пятьсот пятьдесят.

– Негусто...

– Да у него больше не было!

Алла протянула Пронину три столондаровые бумажки. Он ловким движением засунул их в носок: карманов крупье не полагалось.

– На что потратишь? – Алла иногда позволяла себе задавать неформальные вопросы.

Пронин озабоченно ответил:

– Да я вчера опять ввинтился. В «Ауди».

– Молодец! – саркастически похвалила Алла. – В который раз?

– Да я уже не считаю, – беспечно ответил дилер.

Вот так всегда. Если у человека есть талант, любой, хотя бы маленький, крошечный, как вот у этого Пронина, у него обязательно имеется и свой «скелет в шкафу». Способный дилер был откровенным пьяницей. Алла с грустью подумала, что все равно придется его выгонять. Пока он в пьяном виде не врезался в какой-нибудь бандитский «Мерседес».

Найти бы настоящий, могучий и «чистый» талант! Не надо ей просто везучих. Не надо знатоков «системной игры» – это все она уже изучила. И поняла, что с этой стороны пробить казино невозможно. Любая «система» работает, только когда игроку везет. А везет не вечно. Везет всегда до определенных пределов. И слишком уж они невелики, эти пределы...

Но Алла, которая крутилась в казиношном бизнесе вот уже пять лет и знала игру «от и до», никак не могла смириться с мыслью, что ей не удастся найти слабое звено в этой гигантской, сверкающей, богатой игровой машине.

Она его найдет. Обязательно найдет.

Сама.

Или – с чьей-то помощью.

В то же самое время.

Черноморское побережье, поселок Абрикосово.

Иван Кольцов

Утро на море – самое благословенное время. Солнце только-только вываливается из-за гор. Еще зябко. Еще знобко. Но светило, прячась до поры в легкой дымке, уже обещает своим, пока неспешным накалом, что оно еще раскочегарится, еще опалит курортников и аборигенов-садоводов всей своей силой.

Экс-капитан ВВС Иван Кольцов выбежал за калитку и неспешно потрусил по улице, разогреваясь. С каждого двора на него гавкали здешние беспородные Шаррики и Мухтары – отработывали завтрак. Улица с лихим названием Удалова Щель, на которой остановился Иван, была совсем не похожа на курорт. Курортный поселок Абрикосово (местные жители, а также многие приезжие называли его фамильярно: Абрикосовка) растянулся в глубь побережья на несколько километров. Удалова Щель представляла собой обыкновенную станичную, южно-русскую улочку. Здесь даже и не пахло морем. Откуда! До кромки прибоя было от Удаловой Щели три километра двести метров – Кольцов засекал по спидометру машины.

Сопровождаемый собачьим лаем, Иван добежал до конца Удаловой Щели. Она упиралась в главную улицу поселка – естественно, та называлась улицей Ленина. Эта улица тянулась сквозь всю Абрикосовку. Прихотливо изгибаясь, подходила к самому морю, затем снова завинчивалась в горы... День и ночь по ней грохотали фуры, трюхали «жигуленки», проносились иномарки: улица была частью приморской магистрали, уходящей от Геленджика к Сочи и дальше, к слабодоступным нынче Гаграм, Сухуми, Тбилиси...

Кольцов выждал, пока в чередѣ машин – несмотря на ранний час, они уже неслись по магистрали – появится разрыв. Перебежал дорогу. На противоположной стороне улицы Ленина в этой части поселка не было домов. Здесь текла река Буран – прозрачная и летом мелкая. Каждый год она обильно разливалась, затопливая даже часть поселка, и всякое лето меняла русло. Поэтому в этой части никто ничего не строил, а берега Бурана служили пастбищем для коров и коз, прибежищем для рыбаков, влюбленных и выпивох. По берегам реки тянулись заросли по-

южному буйной и цепкой растительности. Впрочем, неутомимая молодежь протоптала вдоль Бурана свои тропинки.

Иван выбежал на одну из них и ускорил бег.

Физическая нагрузка – вот что отвлекает от дурных мыслей. Хорошенько пропотеть – вот что ему надо, чтобы забыться. Не водку же пить.

Раз – два – три... Раз – два – три... Ноги работали исправно. Легкие, никогда не знавшие табачного дыма, мощно втягивали и выталкивали утренний воздух. Первые капли пота выступили на лбу, тельняшка стала прилипать между лопатками.

«Как же мне быть с Мариной?» – думал Кольцов. Думал против своей воли, как думал об этом все время после того, как они расстались, поскандалив, позавчера вечером. Думал, пока вел машину, ел, спал, купался, разговаривал с Васькой и Ирмой... И только когда пил – забывался. Но нельзя же пить, не переставая.

«Что же делать с ней – сучкой, потаскушкой, любимой, сексуальной, единственной?.. Уйти. Надо уйти... Уехать от нее. Уехать как можно дальше. Вычеркнуть ее из своей жизни... Хватит! Жить с ней – мучение... Но и без нее – тоже мучение».

Он вспоминал их последний разговор. Их последнюю ссору. Вспоминал со жгучим стыдом, опаляющим его изнутри.

Вспоминал, как он не сдержался – пожалуй, впервые в жизни. Как накатила на него слепящая, словно огненный шар, ненависть. Как он смотрел в ее бесстыжие глаза и на ухмыляющийся рот. И впервые доподлинно узнал, что она ему изменяет. Что он рогат. Что она трахалась с другими. И не с одним. И когда он уходил на полеты, и когда зарабатывал для нее деньги, и пока лежал в госпитале...

Он не мог понять, откуда узнал это. Она ничего не говорила ему. Ничего!.. Просто вдруг череда этих картин – мерзких, больных, бесстыжих – раз за разом, мгновенно сменяя друг друга, стала всплывать в его мозгу. Марина... Нагая... А сзади нее, пристроившись, с перекосенным лицом... Уф! Не думать, не думать об этом!.. Но опять против воли всплывало: Марина, мужчина лежит на ней сверху, у него волосатая спина, она изо всех сил обхватила ногами его ягодицы, ее лицо искажено криком... Образы в мозгу сменяли один другого – такие же ясные, явные, как позавчера вечером у них на кухне, на третьем этаже их дома в Азове-13... А Марина тогда сидела против него и ухмылялась...

Тогда, позавчера вечером, боль от внутреннего созерцания этих отвратительных и жестоких картинок, проносившихся в его мозгу – еще более отчетливых, чем если бы он вживую увидел их! – в какой-то момент стала нестерпимой. Боль, боль... Она быстро сменилась ненавистью. Подкатил огненный шар ярости. И, не помня себя, он закричал, пытаясь криком заглушить боль и гнев: «Шлюха! Шлюха!»

Марина тогда спокойно пожала плечиком:

– Ну шлюха. И что дальше?

Нет, он не ударил ее. Русский офицер не может ударить женщину. Но ярость его была столь огромна и невыносима, что Иван крикнул:

– Ненавижу тебя! Чтоб ты сдохла!

Он вложил в этот крик всю свою боль и всю искренность.

А потом выскочил из комнаты и дрожащими руками стал собирать чемоданы. Ровно через десять минут – прямой, успокоившийся, ненавидящий – вышел из дома.

Как полагал – навсегда.

Воспоминание снова грызло сердце, и, чтобы хоть как-то избавиться от него, Иван еще прибавил скорости.

Тельняшка уже насквозь пропиталась потом, а он все бежал и бежал, быстрее и быстрее, в ласковой сени растущих над рекой деревьев.

Бежал к морю. Бежал навстречу своей судьбе.

Он и не ведал, что в Азове-13 уже всюду идет следствие по делу о смерти Марины.

Глава 2

СТРАННАЯ СМЕРТЬ В АЗОВЕ-13

Тот же день. 10 часов 30 минут.

Аэропорт Ростова-на-Дону.

Капитан Петренко

Азов-13 встретил капитана Петренко подобострастно, но неласково. Лейтенант, который ждал его прямо у трапа, потянулся взять чемодан. Когда Петренко отказался, встречающий только пожал плечами и пробормотал что-то нечленораздельное. Капитану показалось: «Была бы честь предложена...»

Петренко усадили на заднее сиденье потрепанной черной «Волги». Лейтенант сел спереди, рядом с шофером-сержантиком, и важно приказал ему: «Гони!» Окна в машине были раскрыты, в салоне гулял-шумел беспутный южный ветер.

Военный городок Азов-13 располагался от Ростова-на-Дону совсем в другой стороне, нежели Азов обычный, без номера. «Ох, как запутывали раньше вероятного противника», – усмехнулся про себя Петренко. Городок никогда не значился на советских географических картах. Теперь, при торжестве гласности, он на них, впрочем, появился – под уродливым именем Синеводск. Однако все называли его по старинке, Азовом с номером, а местные жители говорили о нем просто: «Городок».

После часа утомительной езды под раскаленным донским солнцем (дороги, впрочем, оказались здесь на удивление отменные) «Волга» подрулила к трехметровому бетонному забору. Солдатик на проходной немедленно открыл ворота и отдал честь.

Азов-13 оказался обычным военным городком, каких в Союзе были сотни, если не тысячи. Петренко и сам когда-то жил в похожих – пока отец был жив и его все переводили и переводили из одной части в другую. В скольких таких городках Петренко довелось учиться, привыкать к новой школе, приобретать друзей для игры в штандер-стоп и футбол?.. В четырех, кажется. Один находился под Благовещенском, другой – в Коми, третий – на берегу Балтийского моря, четвертый – в Московской области... И все были на одно лицо. Словно братья-близнецы от матери-Родины и отца – военно-промышленного комплекса. Точь-в-точь такие же, как этот Азов-13.

Унылые пятиэтажки. Разросшиеся тополя. Совсем старые кирпичные дома послевоенной постройки. На них – облезлые таблички: «ДОС-3», «ДОС-4»... «ДОС» – это дом офицерского состава, вдруг вспомнилась Петренко давно забытая аббревиатура.

Во дворах никого. Август. Полдень. Жара.

Проехали заброшенную водокачку, нелепо возвышающуюся над домами. Сквозь ее бурые стены проросли деревья.

Петренко вдруг вспомнил точно такую же водокачку, и они, пацаны, играют возле нее в «расшибного». Монетки, звеня, отлетают от стены.

Какой азарт!.. Крыло ностальгии на секунду накрыло капитана. Он вроде бы даже слышал звон разлетающихся монеток...

«Волга» остановилась перед кирпичным старым домом с номером на торце «ДОС-5». «Опять общага», – расстроился Петренко.

ДОС действительно оказался общагой. Петренко, сопровождаемый лейтенантом, долго шел по длинным коридорам. Краска на полах была стерта тысячами офицерских сапог и подуботинок. Где-то плакал-заливался ребенок.

Однако поместили Петренко в отдельный номер. Здесь имелся совмещенный санузел и даже холодильник. Номер был на удивление вылизан – видно, специально постарались для московского чина. Блестел всеми трещинами тщательно протертый стол, гордо возвышалась подушка в накрахмаленной наволочке, а унитаз закрывала буржуазная полосочка – пломба. Но воздух в комнате стоял унылый и затхлый: несмотря на жару, окна были закупорены. Сопровождающий лейтенант буркнул:

– Располагайтесь... Горячая вода – с шести до восьми утра и с шести до восьми вечера. Холодную иногда тоже отключают, так что наберите себе про запас в ванну... Вот тут, если надо будет слить, есть ковшик... Свет иногда тоже отключают. Но ненадолго. Зато – вот телевизор...

Лейтеха щелкнул выключателем. На черно-белом экране что-то зарябило. «Семь программ!» – с гордостью пояснил лейтенант.

Затем участливо спросил:

– Отдохнете с дороги?

Петренко, не распаковывая, зашвырнул чемодан в скособоченный шкаф и сказал лейтенанту:

– Немедленно отвезите меня к командиру части.

Лейтенант опешил:

– Но... мне надо уточнить...

Петренко безапелляционно повторил:

– Я сказал – немедленно.

Через пятнадцать минут он уже разговаривал с полковником Букаевым, командиром части, расположенной в Азове-13.

Полковник Букаев оказался толстяком необъятных объемов. «Размер пятьдесят восьмой, а то и шестидесятый», – не преминул отметить про себя Петренко.

– Оперативно, оперативно, товарищ!..

– Капитан, – подсказал Петренко, пожимая руку командиру части.

Букаев, привставший для рукопожатия, облегченно опустился в огромное кресло. В кабинете работало три вентилятора – два настольных и один, с громадными лопастями, скрежетал под потолком. В порывах горячего сквозняка, сбиваясь с курса, неровно кружили мухи.

Петренко окинул цепким взглядом Букаева. Работа научила его составлять психологический портрет собеседника в считанные секунды. «Толстяк. И умело это использует. Прикидывается наивным, добродушным простачком. Хотя ох как не прост. Иначе не дослужился бы до полковника... – сделал предварительный вывод капитан. – Как его определить одним словом? Какую дать ему «рабочую кличку»? Чтобы лучше запомнился?» Петренко на секунду задумался, а затем откуда-то из подсознания, даже против его воли, в мозгу всплыло: Железный Пончик.

Петренко черкнул в блокноте: «Полковник Букаев – Ж.П.»

Командир части тоже с минуту буравил Петренко заплывшими глазками и по-бабьи принялся причитать:

– Что же это делается, а? Какая беда случилась!.. Из Москвы человека прислали!

При этом он вглядывался в Петренко, следя за его реакцией.

Сергей отреагировал спокойно:

– Случилось – убийство. И наша с вами задача, – с нажимом сказал Петренко, – его раскрыть.

– Кольцов! Ванька Кольцов! Какой парень был! Умный, красивый!

Петренко пожал плечами:

– Почему – был? Его что, убили?

Букаев мгновенно отреагировал, совсем не смутившись:

– Просто жалко человека. Жена погибла. Такая трагедия!

«Ага, ты считаешь, что убийца – Кольцов! – подумал Петренко. – Интересно, знает ли Букаев, сколь странно погибла Кольцова?.. – задался вопросом Петренко и тут же ответил сам себе: – Конечно, знает. Иначе какой он командир части. А раз знает – значит, вскорости будет знать и его супруга-полковничиха. И собутыльники полковника... А там и весь городок. Потом и вся Ростовская область наполнится дикими слухами... А потом – вся Россия. В газеты попадем... Скверно... Надо пресекать утечку и – одновременно – создавать легенду».

– Полковник! – жестко сказал Петренко, намеренно игнорируя обращение «товарищ». – Вас предупредили, что во всем, что касается данного дела, вы подчиняетесь мне? И выполняете все мои приказания?

– Д-да... – промямлил опешивший Букаев.

– Ну так вот: если информация о том, как погибла Кольцова, выйдет за эти стены, с погонами можете распрощаться. Уволят с позором. Это как минимум. А то и под трибунал пойдете. Ясно?

Полковник сразу как-то обмяк.

– И еще, – продолжил Петренко, – мне нужны помощники.

– Лейтенант, который вас встречал...

– Я имею в виду нормальных помощников, – повторил капитан.

Толстяк пролепетал:

– Будут, будут... Все будет!..

Генералу принесли шифровку в тот же день уже в 11.15.

Он внимательно просмотрел бумаги.

Ничего особо необычного в случившемся не было.

Простая публика даже не подозревает, сколько удивительного, непонятого, непознанного происходит в такой огромной стране, как Россия. Происходит еженедельно, ежедневно. Кое-что из так называемых чудес попадает в газеты. Что-то становится предметом пересудов. Многие вообще остаются незамеченными. Но практически все случившееся в итоге получает разумное, логическое, вполне материалистическое объяснение.

Практически все. Но – не все.

Шифровку, доставленную генералу, можно было бы оставить безо всякого внимания, если бы не то место, где событие произошло.

А что, если он – один из этих? Из тех немногих, кто остался?

От одной этой мысли генералу на долю секунды стало жарко.

Он нажал интерком, вызывая помощника.

Благодаря личному участию самого полковника Букаева Петренко через пять минут получил в свое распоряжение отдельный кабинет. Он принадлежал начальнику особого отдела,

убывшему в настоящее время в отпуск. Здесь стоял опечатанный сейф, имелось два вентилятора и два телефона. На полке синело полное собрание сочинений Ленина в пятидесяти пяти томах. На стене висел к тому же и ленинский портрет. Портрет огромный, казавшийся несоответственно большим для такого кабинета. «Видно, раньше этот Ильич висел в красном уголке части, – мельком подумал Петренко. – Затем его приказали вынести, а особист к себе притащил. Интересный, видать, фрукт этот особист».

Спустя три минуты в распоряжение Петренко прибыли помощники. Это были два молодых особиста – оба в звании старшего лейтенанта. Фамилия одного была Жуков, а второго – Дубов. Первого звали Саша, а второго – Паша. Или, напротив, Жуков был Пашей, а Дубов – Сашей? Словом, старлеи были так молоды, подтянуты и неразличимы между собой, что у Петренко даже не получилось придумать для каждого отдельную кличку. Обозвал он обоих одинаково, во множественном числе: «Грибочки».

Первому из них, кажется, Жукову, Петренко поручил умереть, но выяснить, куда мог уехать капитан Кольцов.

– Поспрашайте соседей, друзей, сослуживцев... Проверьте поликлинику – может, ему давали путевку в санаторий?.. И у него, кажется, есть машина?

– Так точно!

– Он на ней уехал?

– Предположительно.

– Тогда поговорите в гаражах. Может, кто из соседей по боксам знает куда... А потом – проверьте авиа- и железнодорожные кассы: не брал ли Кольцов билет...

– Только Ростов-Дон проверять?

– Пока да... И узнайте адрес его родителей – если они живы, конечно... Про братьев-сестер – тоже... И других близких... Может, адреса друзей Кольцова узнаете... И все, что узнаете, немедленно сообщайте мне.

– Есть! Разрешите приступить?

– Валяйте.

«Грибочек номер один» вышел – сосредоточенный до важности.

Второму Грибочку Петренко поручил договориться о встречах, которые он решил провести непременно сегодня.

Участковый Андрей Пивоваров отчаянно хлюпал носом и ежеминутно чихал, старательно отворачиваясь в сторонку. Он смущался из-за того, что предстал перед московским гостем в таком непрезентабельно простуженном состоянии, и нервно теребил промокший платок.

Петренко постарался отсечь на безопасное от вирусов расстояние. Участливо сказал, не утруждая себя холодно-вежливым «вы», – с участковым, хочешь не хочешь, нужно было устанавливать контакт:

– Да не щемись ты! – Петренко намеренно употребил южное просторечное слово, имеющее крайне широкий, в зависимости от контекста, диапазон значений. В данном случае «не щемись» было эквивалентом предложения: «Да не стесняйся!» – предложения, которое нормальными, литературными, словами один мужик в беседе с другим и не выговорит. – С кем не бывает! – по-свойски продолжил Петренко. – Где простыл-то так?

Участковый, опасливо ожидавший каверзных вопросов по делу, удивленно ответил:

– Раков в воскресенье ловили!

Петренко проговорил, усмехнувшись:

– Что, без прокладки ловили?

Андрей ответил – почему-то виновато:

– Да я за рулем был, какие уж тут прокладки...

– Много взяли?

– Два ведра. Слоны! Бо-ольшие! Но вчера...

Петренко рассмеялся. Ему нравился этот хитрован-казак с южным говором и простецким юмором.

Участкового, смуглолицего, с казацким чубом, Петренко, верный своей привычке давать каждому встречному-поперечному кличку-определение «для внутреннего пользования», почему-то захотел назвать: «Есаул-есаул, что ж ты бросил коня». Кликуха получилась несуразно длинной, поэтому капитан сократил ее до Есаул-Есаул. Тоже неплохо получилось.

– Ну, давай, участковый, к делу, – посерьезнел Петренко. – Труп ты обнаружил?

– Да. Вскрывал квартиру по звонку соседки из сорок второй.

– Тебе сказали...

– Что Кольцова с утра не подает признаков жизни. На встречу с подругой не пришла.

Телефон не отвечает. Из квартиры вроде не выходила.

– И ты сразу примчался? Оперативно на сигналы реагируешь...

Есаул-Есаул слегка смутился:

– Не на все, конечно. Но про эту семью я давно знаю. У них там не все ладно. Скандалят часто, посуда летает, жена верещит... А при таком раскладе до беды недалеко.

Последнее предложение участковый произнес с каким-то социалистическим пафосом. Петренко скептически скривился:

– Взяли, значит, на заметку...

Участковый не растерялся:

– Конечно, у вас там, в Москве, о таких делах участковые не всегда в курсе. Но у нас – городок маленький.

– Ну, а труп?

Андрей гордо вскинулся:

– Я у нас на аэродроме таких видал. Точная картина – как парашют не раскрылся. С виду люди – целехонькие, а руки-ноги мягкие. Как будто костей вовсе нет. Так и у этой Марины было. Я еще при визуальном осмотре заметил, что у нее тело как-то странно вывернуто...

– Сам кого-нибудь подозреваешь?

Андрей поспешно ответил:

– Ну, муж... с которым они все ругались... он летчик. Бывший.

– Ну и как ты сам это представляешь?

Участковый – очень неуверенно – сказал:

– Странная получается картина. У нас в городке полетов уже два месяца не было. Позавчера тоже не летали... Досаафовские аэродромы есть в Батайске и в Каменске... Что, значит, выходит? Кольцов там взял самолет... Посадил в него супругу. Взлетел. Скинул ее... Потом сел. Поехал в район десанта. Нашел труп... Подобрал... Привез зачем-то в свою квартиру... Уехал... Глупо как-то...

– А он, Кольцов, вообще-то – как? В себе? Может, у него крыша съехала?

– Да он, конечно, странноватый... Особенно после того, как его комиссовали...

– За что комиссовали-то?

– Да по здоровью.

– А что с ним было?

– Вот он-то как раз, – участковый усмехнулся, – без парашюта брякался. Точнее – с парашютом, но он не раскрылся.

– И выжил?

– Ага. Как, почему – я толком не знаю. Но побился он сильно. Голова, ноги... В госпитале в Ростове полгода лежал... У него и сейчас шрамы... Ну, после госпиталя Кольцова и комиссовали...

– Чем он занимается?

– Когда чем. Частным извозом подрабатывает. Лекарства какие-то по аптекам развозит...

– Лекарства? Какие?

– А я знаю? Оно мне надо?... Хер... этот... хербалайф какой-нибудь... Еще где-то подрабатывал... На рынке, что ли...

– А женка его? Ты говоришь, они плохо жили?.. А почему? Он пил, что ли? Гулял?

– Не, пить не пил. Это точно. После того как брякнулся, почти даже в рот не брал. Это я точно знаю. И не гулял, по-моему, тоже. У нас ведь городок. В одном углу, извините, пукнут – в другом веер достают.

– А Марина?

Участковый сделал секундную паузу.

– Да в том-то и дело, что ничего толком не знаю. Так, слухи только. От бабок на лавочке. Говорят, погуливала Марина.

– Погуливала... А кто у нее хахаль?

– Да черт его знает. Вроде бы даже не было постоянного... Но, говорят, любила она это дело... Солдатыкам даже давала...

– Ого!.. Ну, а кто, например, из ухажеров мог ее замочить? У кого еще, может, были ключи от кольцовской квартиры?

– Вот это я тебе, капитан, сказать не могу, – с сожалением молвил участковый.

– Ну, а, может, у нее враги были? Или она задолжала кому? Она ж ведь на рынке торговала...

– Да какие там у нее деньги! Торговать-то она торговала... Но гроши там были невеликие. Когда полтинник в день... Когда столярник... Ну, два... За это не замачивают... Хотя...

– Что?

– Ладно. – Андрей подобрался. – Расскажу. В субботу, седьмого то есть, я задержал Леонида Плешакова, 1978 года рождения. Сын подполковника Плешакова. Студент Ростовского пединститута. Подрабатывает спекуляцией. Бизнесом то есть. Пьян был, как свинья, у Дома офицеров шатался с девками, «Мурку» горланил. Доставил я его в отделение... протокол оформлять не стал... отец... сами понимаете... Вытрезвил на скорую руку – из ведра окатил... Так этот Ленка, пока в обезьяннике сидел, пьяный в сосиску, много всякой ерунды кричал. И одну странную вещь ляпнул. Я никому не говорил пока. Он сказал: «Заказали нашу Кольцову. За большие долги заказали».

Петренко сделал в блокноте пометку: «Плешаков».

– А что ты, капитан, думаешь – как эту Марину убили? Что, в самом деле с самолета сбрасывали?

– Без понятия. Я уже себе мозги сломал.

– Ты подписку о неразглашении давал?

– Давал.

– Ну, так вот: именно об этом – в каком виде ты труп обнаружил – молчи! Даже жене ни гугу...

– Могила! – лживым голосом воскликнул участковый.

– ...Но только тебе, Пивоваров, я могу рассказать, в чем дело, – продолжил Петренко, понизив голос.

Участковый – весь внимание – подался вперед.

– На одном из наших военных складов похищен яд, который оказывает подобное действие. Руки-ноги размягчаются, кости словно испаряются... Яд действует мгновенно... И у нас

есть основания думать, что этот яд каким-то образом оказался дома у Кольцовых... Понял? Даже лица ее никто не мог узнать.

Участковый кивнул. Глаза его горели.

– Но об этом – никому ни слова. Информация – совершенно секретная, особой важности.

Понял?

Участковый снова кивнул.

Петренко не сомневался, что рано или поздно тот проболтается. Расскажет в приливе чувств жене или выболтает друзьям по пьянке.

На то и было рассчитано.

Петренко вспомнил, как учил его дядя Володя – полковник Савицкий, когда он только поступил полгода назад на службу в комиссию: «Расследовать событие – это только полдела. Даже треть дела. Самое главное – обеспечить легендирование. Чтобы ни у кого даже тени подозрения не возникло. Чтобы все как один из числа тех, кто с событием сталкивался (а таких людей обычно бывает больше, чем ты даже можешь представить!), считали: ничего странного не случилось. Все в пределах здравого смысла. И привычной логики... Пусть люди спят спокойно».

Квартиру Кольцовых Петренко осматривать пока не стал.

Старлей-особист (Жуков?... Дубов?... Черт их поймет – в общем, Грибочек...) уже сговорился для него о встрече с подружкой погибшей.

Она проживала в том же подъезде. Именно она всполошилась из-за отсутствия Кольцовой, а после позвонила в милицию и вместе с участковым обнаружила труп.

Соседка, Анастасия Журавлева, 1965 года рождения, к визиту особиста из Москвы готовилась.

– Прощу в залу! – несколько игриво пригласила она.

«Залой» здесь именовали гостиную со стандартным набором мебели из стенки, горки и телевизора. В углу комнаты громоздились баллоны с закатанными помидорами, кабачками, салатиками, а также черешневым, малиновым, грушевым вареньем. Закатанных банок насчитывалось никак не меньше ста.

Подле дивана был сервирован столик в стиле «а-ля фуршет». Настя разложила в художественном беспорядке персики, яблоки, сливы и бутерброды-канапе, насаженные на шпажки.

– Чай? Кофе? – Настя постаралась задать вопрос с интонацией профессиональной официантки. – Чего покрепче не предлагаю, вы ведь при исполнении, но если хотите – есть водка, коньяк, херес...

– А квас имеется? – чуть иронически поинтересовался Петренко. Его слегка забавляла эта провинциальная комедия.

– Есть минералка, – смутилась женщина.

– Не откажусь.

Дамочка слетала на кухню и принесла запотевшую бутылку.

– Компотик, извините, не сварила. У нас тут такие события... Ну да что я вам рассказываю...

Петренко залпом осушил стакан ледяной воды с явным привкусом сероводорода и взял крошечный бутерброд с заплывшим от жары сыром:

– Ну, у вас прямо как в ресторане.

Женщина польщенно улыбнулась.

Петренко через силу проглотил бутерброд и сказал:

– Давайте знакомиться. Я – следователь главной военной прокуратуры, меня зовут...

– Бонд! Джеймс Бонд! – перебила его Настя, расхохотавшись, и откинулась на спинку дивана.

Сверкали загорелые коленки. Грудь так и рвалась наружу из легкого халатика.

Похоже, молодуха явно напрашивалась, чтобы столичный Джеймс Бонд тут же, на этом самом диване, кинулся на нее в совершенно джеймс-бондовском стиле. Петренко глянул на смуглые полные коленки гражданки Журавлевой и поймал себя на предательской мысли, что ему тоже этого хочется. «И грудь у нее знатная...» – помимо воли подумалось ему.

Капитан смутился и постарался отогнать наваждение.

– Сергей Петренко, – сухо представился он. – Сергей Иванович.

«А Настя на удивление в хорошей форме, – подумал он. – Всего-то через день после смерти лучшей подруги. Будто даже радуется, что в городке произошло событие. Да еще какое!»

– Джеймс Бонд, он же Сергей Петренко... – игриво вздохнула хозяйка.

– А вы, стало быть, Анастасия...

– Можно просто Настя, – поспешно добавила женщина.

Петренко решил не спешить с разговором по делу. Подумалось: «Какую же ей дать «внутреннюю» кличку? Таковую, чтобы эта Настя Журавлева и через месяц вспомнилась?» Но что-то ничего не приходило в голову. Потом в мозгу вдруг безо всякой логики вспыхнуло: Золотые Шары. «А ведь и правда, – подумал Петренко. – Непонятно почему, но кличка явно подходит. Из-за грудей, что ли? Или из-за коленок?.. Ну, неважно. Подходит – и все. Пусть она будет Золотые Шары».

Он вздохнул и пересел поближе к распахнутому окну – и подальше от ее блестящих коленок. Сказал:

– Ну и жара тут у вас! До моря сколько ехать?

– Часов семь – если без гаишников.

– Часто выбираетесь?

– Раньше почти каждые выходные ездили. А сейчас... – Настя только рукой махнула. – Скоро вообще придется машину продавать. Муж с мая ничего не получал.

– Он у вас тоже военный?

– Да здесь все военные. Только летчики на земле сидят: керосина нет. А завод стоит: заказов нет...

– А вы чем занимаетесь?

– О-о, у меня редкая и почетная профессия – я библиотекарь... Вы читали «Парфюмера»? Или что у вас там сейчас все читают в Москве?..

– Можно еще минералки? – не поддержал светскую беседу Петренко.

– О, конечно, конечно! Извините, что я за вами так плохо ухаживаю, но мы, вы же видите, живем в глуши, не то что вы, москвичи...

Петренко выпил второй стакан холодной сероводородной воды и решил, что пора переходить к делу, а не то Золотые Шары свернут куда-нибудь на московские премьеры, Петренко же в театре, равно как и в кино, был не силен.

– А вы давно знакомы с Кольцовыми?

– Да с тех пор, как они сюда переехали... Года четыре...

– Вы дружили? Были близко знакомы?

– Как – «близко»?.. В городке все друг друга знают. А мы все ж таки соседи...

– Чем они занимались?

– Я у них под дверью не подслушивала.

Хозяйка поджала губы, и Петренко понял, что не слишком корректно поставил вопрос.

– Я имею в виду: как зарабатывали?

– Ну, Ваньке повезло больше, чем моему. Он купил раздолбайку, калымил каждый день.

– А Марина?

– Торгашка. Купи-продай-надуй! Косметикой торговала – все наши у нее затаривались. Лифчики продавала. Купальники.

– Кстати, вы в тот день с ней собирались на рынок?..

– Она сама позвала. Говорит, буду закупать купальники, поехали – возьмешь себе один по оптовой цене. Померишь хоть заодно. Ей одной, мол, тащиться скучно. Ну, я и согласилась. Только все равно пришлось ехать самой и по обычной цене покупать...

Петренко не уставал удивляться: Настя говорила о погибшей с не очень-то скрываемой неприязнью. Он внимательно посмотрел на женщину:

– Вы с Мариной дружили?

Настя не смутилась:

– Мужики наши дружили. А мы... – она пожала плечами. – Видите ли, у нас с покойной были совершенно разные мировоззрения...

– Разные – в каком смысле?

Настя пожала плечами.

– На жизнь. На работу. На мужиков. Марина считала, что нужно хватать, если дают. И если не дают – тоже. Когтями вырывать. А я так не умею. У меня когтей нет. – Настя продемонстрировала Петренко свои руки с обрезанными под корень ногтями.

Петренко отчего-то показалось, что и Настя-Золотые Шары тоже из лапок своих при случае ничего не упустит, однако поинтересовался:

– И чего же такого Марина вырывала? Своими-то когтями?

– Ну, этот бизнес ее... В долг она, к примеру, никогда не продавала... Даже мне... Да что – мне! Никому вообще!.. А вот вам характерный показатель. Для гостей она кофейный напиток держала. С цикорием! А сама кофе пила – колумбийский, в зернах...

– У нее были, э-э, внебрачные связи?

– Были, – ясно и просто ответила Золотые Шары. – На мужиков она вешалась. Да так, что не снимешь...

«Ага, вот оно что», – понял Петренко и простодушно спросил:

– И на вашего мужа – тоже?

Настя поспешно ответила:

– Ну, моему Семену она на фиг не сдалась. Он подстилок не любит. А кто менее разборчивый – всегда пожалуйста. Семен рассказывал – у них в части солдатик похвалялся, что пробовал капитаншу...

Петренко потянулся за бутербродом. Сыр был невкусный, но ему нужен был минутный тайм-аут. С одной стороны, конечно, приятно иметь такого свидетеля, как Настя, который бескомпромиссно называет все своими именами. А с другой... хорошенькая же была у Марины подруга!

– Скажите, – осторожно начал он, – а в тот вечер вы что-нибудь слышали?

– Слышали.

– А что?

– Ругались они.

– Как? О чем, я хотел сказать, они говорили?

– Я же вам сказала: я не прислушиваюсь.

– Значит, вы просто слышали шум ссоры...

– Так точно!

– А слов не слышали? Обрывков фраз? Припомните. Это очень важно, э-э, Настенька...

– Ну какие там слова? Ссора же... Ну, он вроде кричал... Что-то типа: «Шлюха! Шлюха!»... Потом: «Чтоб ты сдохла!» – кричал...

– Ого! А она в ответ?

– Не разобрала.

– Ну, а ссорились они громче, чем обычно? Или как всегда?

– Громче, тише! Что я, с децибелом у них под дверью стояла?

Петренко слегка усмехнулся этому самому «децибелу»: видать, Настя изо всех сил пыталась произвести впечатление «образованной». Сказал:

– Спасибо вам, Настя... Вы, правда, очень мне помогаете... Ну, а потом что было?

– Ну, а потом все стихло. Где-то через полчаса Ванька выскочил на крыльцо. С чемоданами. С двумя. Кинул их в свой багажник – и был таков.

– А он раньше куда-то ехать собирался?

– Так в том-то и дело, что собирался!.. В отпуск, говорит, махну на недельку.

– Один? Без жены?

– А они всегда порознь отдыхали... Только он вообще-то наутро собирался. А уехал раньше – в ночь.

– А куда он собирался, не знаете?

– Без понятия.

– Ничего не говорил?

– Мне – нет. Куда-то к друзьям... У него друзей – пол-Союза. И в Москве есть... А мать в Питере живет...

– А муж ваш может знать, куда он поехал?

– Спросите у него.

– А он где?

– На дежурстве. Будет утром.

Петренко пометил в блокнотике. Кашлянул.

– Настя, вы давали подписку о неразглашении... Значит, вам известно, что... Марина умерла от... необычных повреждений. У вас есть мнение, кто мог это сделать?

Настя бросила быстрый взгляд на книжные полки, на которых красовалось не меньше сотни любовных романов в аляповатых обложках, и уверенно ответила:

– Любовник-маньяк, кто же еще?

– Мне кажется, вы правы... – пробормотал Петренко. – Причем, похоже, что убил ее кто-то... – Капитан осекся, а потом как бы нехотя продолжил: – Кто-то, кто имел дело с одним из видов секретного оружия...

Анастасия Журавлева вся подалась вперед и ловила каждое слово.

– Учтите, – словно спохватившись, продолжил капитан, – это я говорю одной вам, одной! Вы же давали подписку... Разглашение государственной тайны – дело серьезное... Так вот, есть основания думать, что Кольцова отравлена особым ядом. Поэтому так необычен характер ее... э-э... травм. Яд этот был похищен с военных складов... А вот кто его похитил?.. И как яд оказался здесь, в вашем городке?.. Вот вопрос... Так что если вы вдруг что-то узнаете, немедленно сообщите... Сразу же – лично мне... Но о том, что я сказал вам, никому ни слова. Вы давали подписку, помните?

Настя с расширенными глазами вся обратилась в слух.

Петренко был доволен. Рано или поздно, под страшным секретом Анастасия Журавлева, Золотые Шары, в кругу подруг наверняка проговорится. И поползут слухи. Именно такие слухи, какие нужны.

Что ж, внедрение легенды шло успешно.

Но знать бы, черт побери, что все-таки с Кольцовой случилось на самом деле!

Пообедал Петренко уже в половине четвертого в офицерской столовой.

От щей отказался, с отвращением съел биточки с гречневой кашей. Жара стояла невероятная. Солдатик в грязно-белом халате налил ему добавки компота – теплой белесой жидкости.

После обеда капитану принесли в его временный кабинет, под сень огромного Ильича, личное дело офицера Кольцова Ивана Петровича, 1966 года рождения.

С фотокарточки в деле смотрел белокурый красивый парень. Почти мальчик.

Петренко быстро пролистал дело. По мере присвоения очередных воинских званий (на каждое из которых приходилась большая фотография) лицо Кольцова мужало. Более строгими становились глаза, отчетливей обозначалась морщинка на лбу.

Петренко встал и запер дверь в кабинет.

Сел, расстегнул рубашку, скинул ботинки. Включил оба вентилятора, под потолком и на столе.

Быстро просмотрел дело, а затем начал его внимательно читать – с конца.

«13.03.1998. Уволен из рядов РА по состоянию здоровья. Основание: Приказ Главкома ВВС №...»

Что же стряслось там с его здоровьем? Участковый говорил что-то о неудачном прыжке с парашютом...

А вот оно:

«Находился на излечении в главном окружном госпитале СКВО».

А срок нахождения в госпитале? Ого! С 11 апреля 1997 года по 28 декабря 1997 года! Больше восьми месяцев. Здорово же ты, капитан, побился!

Что было до этого?

Переведен в в/ч 22345 (Это часть, которая помещается здесь, в Азове-13, – понял Петренко) 12 мая 1993 года. Звание – старший лейтенант. Должность – майорская. Специальность – летчик-инструктор.

С того дня, как Кольцов был переведен в Азов-13, и по время увольнения в личном деле находился ворох бумаг – стандартных и мало что говорящих.

Присвоено очередное воинское звание – капитан... Награжден медалью «За пятидесятилетие Победы в Великой Отечественной войне»... Остановлен инспектором за нарушение правил дорожного движения. Вот рапорт капитана Кольцова по поводу нарушения. Наложено взыскание... А вот благодарность в приказе... Еще одна благодарность... И еще одна... Выделена путевка в окружной санаторий СКВО... «Знаю я этот санаторий, он находится в поселке Бетта – славное местечко... Интересно, супруга, Марина Кольцова, с ним тогда в санаторий ездила? Ах, да, они же никогда не отдыхали вместе...»

Мысли Петренко текли своим чередом по мере того, как он перелистывал дело Кольцова. Ничегошеньки в нем интересного для следствия не оказалось, да и не рассчитывал Петренко ничего особенного в нем найти... Но... чем черт не шутит...

Посмотрим дальше... Что там было с капитаном Кольцовым ранее... Каков его, так сказать, генезис... Петренко отчего-то нравилось слово «генезис». Дядя Володя Савицкий тоже любил его употреблять...

Сюда, в Азов-13, Кольцов переведен в мае 1993-го. Откуда переведен? Почему? Так, переведен из в/ч 28972... В/ч 28972 – что бы это значило?

Петренко набрал местный номер полковника Букаева, три цифры: 1-01.

Железный Пончик откликнулся сразу.

– Полковник, есть вопрос: «вэ-че» двадцать восемь девятьсот семьдесят два – это...

Петренко сделал паузу.

– Котласская ударная авиабригада, – охотно пояснил полковник.

– Благодарю вас.

– Всегда к вашим услугам.

Ишь, как перестроился полковник!

– А почему Кольцова к вам перевели? Там-то он небось на «двадцать девярых» летал, а здесь – летчик-инструктор... Прощтрафился?

– Нет, насколько я помню, он сам рапорт подал. Там-то он в общежитии жил, а здесь мы ему квартиру сразу дали... Да и у жены его со здоровьем что-то было...

– Что именно?

Полковник на секунду замялся. «Уж не пользовал ли и ты покойную Марину?» – мелькнуло у Петренко.

– Да я точно не знаю... С легкими что-то... – промямлил Железный Пончик.

– Спасибо, полковник, – сухо бросил Петренко и положил трубку.

И тут его пронзила мысль, от которой капитан даже похолодел: «Мы-то ищем Кольцова – а вдруг это не он? Вдруг это не загадочное убийство? А что-то случилось – с ней? Неведомый вирус?.. Заболевание, неизвестное науке? Эпидемия?.. И я, дурак, прошляпил?»

Петренко немедленно набрал номер одного из старлеев, приданных ему генералом, – кажется, Дубова.

– Слушаю, товарищ капитан! – отрапортовал Грибочек.

– Слушай: быстро возьми у медиков результаты вскрытия Кольцовой. Переправь их по факсу в Москву. Вот тебе номер.

– Есть!

Петренко бросил трубку. Вот так прокол! Как же это он сразу не подумал о таком простом варианте? Простом – и страшном? Почему не подстраховался?

Ладно, будем надеяться, что все обойдется... А ведь и он, Петренко, контактировал и с участковым, и с соседкой... И если капитанша умерла от неведомой науке болезни?.. И если вирус передается через третье лицо?..

Петренко на секунду стало страшно.

«Если, если! – сердито оборвал себя капитан. – Слишком много «if» и «but», как говаривал дядя Володя Савицкий. Продолжай лучше, капитан, заниматься своими делами!..»

Петренко вернулся к досье капитана Кольцова.

Стал листать его – все ближе и ближе к началу. Итак, вот период службы капитана в в/ч 28972 – Котласской авиабригаде. Прибыл в 1987-м, после окончания Тамбовского высшего военного училища. Лейтенант...

Благодарности. Грамоты: «За высокое летное мастерство», «За освоение новой техники», «За мужество, проявленное при...». А вот и выговор. Один на кучу благодарностей. Выговору предшествует рапорт:

«Докладываю, что я, ст. л-т Кольцов И. П., 28 июня 1989-го был задержан в 02 часа 55 минут военным патрулем. В тот момент я, будучи в нетрезвом состоянии, приобретал у незнакомого мне таксиста 1 (одну) бутылку водки. В тот день был день рождения моего друга, и в совершенном поступке я раскаиваюсь.

30 июня 1989 г.» Подпись.

Эх, Кольцов-Кольцов!

Петренко на секунду закрыл глаза и представил двадцатитрехлетнего лейтеха, который ночью нетрезвой походкой бродит с друзьями по улицам Котласа в поисках добавки. А сверху белеет полярная ночь...

А симпатичным, черт возьми, парнем представал на страницах личного дела экс-капитан Кольцов... Как-то не верилось, что он мог убить свою супругу... Хотя если она такая, какой ее нарисовала ее «заклятая подруга» Настя – Золотые Шары – потаскушка, пробы негде ставить!.. – тогда... Тогда вполне мог и убить... На почве ревности и, так сказать, личных неприязненных отношений.

Но вот как? Как можно измолотить человека до смерти, чтобы на теле не осталось никаких следов? А внутренние повреждения оказались такими, словно дамочка упала с трех-четырехкилометровой высоты?

Петренко быстро пролистал последние страницы дела Кольцова, продвигаясь еще ближе к началу.

Окончил Тамбовское училище – 1987 год. Вот выпускная характеристика, подписанная командиром части и замполитом: «Отличник учебы... Высокое летное мастерство... Политически грамотен... Морально устойчив... Комсорг роты... Принимал активное участие в деятельности театра «КАТЮША» (Курсантский Театр Юмора, Шутки, Анекдота)...»

А вот это что? Ну-ка стоп!

Лаконичная запись:

«15.06.1985 – откомандирован в распоряжение в/ч 45355.

15.08.1985 – возвратился в училище».

Что за странность? Куда это девятнадцатилетнего курсанта командируют? Летом, да еще на два месяца? Кому это он там понадобился? Что за в/ч?

Петренко достал свой ноутбук, подключил к нему свой личный спутниковый телефон. Последовательно набрал пять разнообразных паролей (они менялись еженедельно) и вышел в сеть комиссии.

Поставил на своем сообщении гриф «сов. секретно» и попросил срочно сообщить ему, что это за воинская часть такая – номер 45355? И что делал там два летних месяца 1985 года курсант Тамбовского летного училища И. П. Кольцов?

Через десять секунд «мэсидж» Петренко примет его приятель и напарник Вася Буслаев. Он, по правилам, принятым в комиссии, должен постоянно страховать его из Москвы, всегда находясь на связи. Ну а в распоряжении напарника всегда имелась самая мощная информационная база, какая только есть в России. Да и во всем мире, пожалуй. Поэтому минут через двадцать Петренко получит из столицы ответ на свой запрос. Узнает, в какую такую часть командировали тогда, в далеком восемьдесят пятом, курсанта Кольцова и чем он там занимался.

На всякий случай к запросу о в/ч Петренко в своем «и-мэйле» присовокупил еще два задания. Первое – поднять полное досье, включая медицинские карты, на родителей экс-капитана. И второе – установить нынешние адреса и род занятий однокашников Кольцова по летному училищу.

Петренко закрыл ноутбук. Потом вздохнул и захлопнул досье на Кольцова. Эх, Ваня-Ваня, бывший капитан Кольцов! Что же ты наделал?..

Ровно через двадцать минут, как и предполагал Петренко, ему позвонил из Москвы его напарник Буслаев. Звонил он по защищенному спутниковому телефону – Петренко всюду приходилось таскать с собой эту бандуру в килограмм весом, – голос Буслаева звучал растерянно:

– Я проверил ту воинскую часть, куда в восемьдесят пятом откомандировывали объекта...

- Ну?
 - Такой вэ-че в архиве Минобороны не значится.
 - Что?!
 - Что слышал.
 - Разговорчики! Ты правильно понял номер?
 - Так точно.
 - Четыре-пять-три-пять-пять?
 - Так точно.
 - Слушай, Буслаев, ты мне голову не морочь! Как это – была вэ-че, а нигде ее нет! Давай влезай в любые архивы, ломай пароли, но чтобы мне про эту часть выяснил! До вечера тебе сроку!.. Понял?
 - Так точно...
 - Что там по родителям объекта, по друзьям?
 - Ничего особо интересного. Я тебе pošлю электронку.
- Буслаев был убежденным русофилом, посему e-mail, электронную почту, обзывал «электронкой», а, к примеру, компьютер – «вычислялкой».
- Давай шли. Но, главное, узнай мне все про ту вэ-че! Да поживее!
 - Слушаюсь, – вздохнул Буслаев.

В дверь отрывисто постучали. Петренко позволил войти. На пороге появился один из старлеев-Грибочков. Жуков? Дубов?

- Товарищ капитан, разрешите доложить?
 - Валяй.
 - Мною установлено: никаких путевок в санатории Кольцов не получал!
 - Да ты садись.
 - Так точно!.. Ни железнодорожных, ни авиационных билетов Кольцов не приобретал!.. Мною установлен адрес его родителей. Санкт-Петербург, Лиговский проспект, шестьдесят пять, квартира...
 - Земляки... – вздохнул Петренко.
 - Не понял.
 - Ничего, продолжай.
 - Короче, я связался с родителями. Ничего, конечно, о том, что произошло, я им не докладывал. Они ничего о сыне не знают. Он им уже месяц как не звонил. Последнее письмо пришло от него примерно три недели назад. В последние дни он не появлялся...
 - Но если он поехал на машине – он еще к ним не доехал? До Петербурга-то далековато, а?
 - Так точно! Я попросил, если он появится, немедленно с нами связаться. Сказал, что он срочно нужен в части.
 - Молодец.
 - Вот список тех, с кем Кольцов в последнее время поддерживал отношения вне городка. Адреса, телефоны – у кого есть... По имеющимся телефонам я уже позвонил: никто ничего о Кольцове не знает. В последние дни он о себе не давал знать.
- Петренко посмотрел список. В нем значилось одиннадцать фамилий, одиннадцать адресов. Телефоны имелись только у двоих: у одного человека, проживающего в Ростове, и у второго, живущего в каком-то Благовещенске-31. Остальные девять были не телефонизированы.
- Ты и в Благовещенск звонил? – усмехнулся Петренко.
 - Так точно, – без тени юмора отвечал Грибочек.

– Нет его там?

– Никак нет.

– Да, туда машиной за сутки не доехать... – иронически проговорил Петренко.

Капитан просмотрел оставшийся список. Еще у двоих друзей Кольцова адреса были в Республике Коми, у одного – где-то под Брестом. Ни в Коми, ни в Брест разыскиваемый, если он поехал на автомобиле – а он, похоже, отправился именно на своей машине, – добраться еще не мог.

– Надо отрабатывать всех, – вздохнул Петренко.

– Так точно.

– Только действуй очень аккуратно.

– Есть.

Последним в списке из одиннадцати знакомых и друзей Кольцова значилось: Дегтярев Василий: п.г.т. Абрикосово, улица Удалова Щель, дом 30.

Буслаев, старлей-русофил, перезвонил Петренко из Москвы через час.

– Докладывай, – буркнул в трубку Петренко.

– Я узнал, что это была за вэ-че, – сказал напарник.

Голос его по спутниковому каналу связи звучал так ясно, словно Буслаев сидел в соседней комнате.

– Ну?

– Это ИППИ.

– Что? Кого «еппи»?

– ИППИ – Институт прикладных психологических исследований. Институт в составе Минобороны. Расформирован в девяностом году. Больше ничего, кроме названия, об институте не известно. Все материалы по нему идут под грифом ОВ – особой важности. Моего допуска, чтобы к ним добраться, не хватает.

– Слушай, Буслаев, – ласково сказал Петренко, – ведь ты же хакер. Что, мне тебя учить, как пароли ломать?

– Я не хакер, я машинный взломщик, – гордо поправил русофил Буслаев. – А информации по ИППИ, похоже, в электронном виде нигде нет. Все, что осталось, – если осталось – имеется, наверно, только на бумажных носителях.

– Иди к Савицкому. Иди к генералу. Проси допуск. Это – особая ситуация, ясно?

– Так точно, – вздохнул Буслаев.

– И вот еще, – в голову Петренко пришла одна идея. – Узнай: этот самый Кольцов тогда, в восемьдесят пятом, он что – один из своего училища был в этот самый ИППИ командирован? Может, еще кого-то вместе с ним послали?.. А? И если так – то кого?.. И где эти «кто-то» сейчас?.. На это твоего допуска хватит?

– Понял, – сказал Буслаев. – Выясняю.

...В десять вечера Петренко наконец оказался в своем душном гостиничном номере. Хотя перед уходом он открыл оба окна, в комнате по-прежнему стояла липкая южная духота. Пахло застарелой пылью и почему-то – бензином. Сергей задернул шторы и с облегчением сорвал пропотевшие рубашку и брюки. Горячей воды не было, но холодная вода подавалась исправно. Майор выдержал под ледяным душем ровно пять минут ноль-ноль секунд – засек по водонепроницаемым часам. Растерся шершавым, как точильный камень, полотенцем.

В двадцать три ноль-ноль капитан объявил сам себе отбой и тут же провалился в сон. Свой внутренний будильник он завел на шесть ноль-ноль утра. Семи часов крепкого сна ему хватит за глаза.

Капитан еще не знал, что через четыре часа его разбудит тревожный телефонный звонок.

Глава 3

КУПАНИЕ ПРИ ЛУНЕ

Вечер того же дня.

Черноморское побережье.

Поселок Абрикосово

Вася пришел с работы усталым, с ярко-красными от новой порции солнца щеками.

– Опять ты поджарился! – всплеснула руками его жена Ирма. – Сейчас буду тебя кефиром мазать!

– Какой там кефир! – Василий подмигнул Ивану Кольцову. – Водочки по сто вовнутрь!.. Вот и вся медицина.

– Водочки! Тебе бы чуть что – водочки!.. – беззлобно ворчала Ирма. – От всех болезней: от простуды до, прости господи, поноса!..

Меж тем Ирма уже поспешно включила газовую плиту: скорей, скорей кормить вернувшегося с работы мужа.

Кузя – верный дворовой пес – тут же заступил на дежурство возле плиты. Не упадет ли случайно на землю лакомый кусочек? Или, может, у хозяйки отходы какие появятся? Но Кузя, хоть и голодный, сидел тихо, не скулил. Только смотрел преданным взором прямо в Ирмины глаза.

Плита стояла во дворе. Летом Дегтяревы переносили кухню во двор, под навес, увитый виноградом. Ели, естественно, тоже на свежем воздухе. Васька каждый год в мае без напоминаний переносил из дома плиту, стол, рукомойник и шкафчик для посуды.

Сегодня Ирма угощала овощным соусом из кабачков и картошки – все со своего участка – и курицей, которую мастерски жарила, насаживая на бутылку из-под пива. Мужчины ели молча – у обоих разыгрался зверский аппетит после целого дня, проведенного на воздухе. Иван втихомолку, под столом, кидал Кузе косточки. Василий укоризненно поглядывал на друга, балованного собаку, но молчал. Кузя благодарно хрустел...

На десерт Ирма подала компот из только что созревших слив и остатков яблок. К компоту прилагался пирог с поздней малиной – от него к концу обеда почти ничего не осталось.

– Приятно посмотреть! – довольно сказала Ирма. – Все съели. Лучшая награда для хозяйки.

Василий ласково потрепал жену по плечу и привычно похвалил ее:

– Ты у меня суперповар!

Иван с улыбкой наблюдал за супругами и изо всех сил старался побороть в себе чувство зависти. Его Марина обычно ограничивалась макаронами и сосисками, лишь изредка снисходя до жарки бифштеков из покупного фарша.

Для Кольцова семья Дегтяревых всегда была образцом, по которому он сам хотел бы – да не сумел! – выстроить собственную семейную жизнь. Ирма Дегтярева – радушная хозяйка. Все у нее в руках горит. И накормит до отвала, и белье простирнет, и двор подметет... И с мужем всегда ровна, весела и ласкова. Детишки, двое пацанов-наследников – Павлик да Дима

– всегда ухожены, спокойны, не капризны. И на них, малолеток, никто в семье голос не повышает. А если папа скажет коротко и строго: «Нельзя!» – понимают мгновенно. Нынче они у Ирминой мамы в Бердянске. А жаль. Так хотелось бы потискать их, к потолку поподбрасывать, поговорить с ними, сказки порассказывать... Да и вообще... Душевым теплом веяло всегда от семейства Дегтяревых... Кольцову это настолько нравилось, что позавчера, выскочив из своего дома и покидав вещи в багажник, он даже сам не заметил, как взял курс на Абрикосовку. Свалился на них в семь утра – а они только рады. «Ванька! – кричат наперебой и Василий, и Ирма. – Ванька приехал!»

Встав из-за стола, хозяева и гость перебрались в шезлонги, которые стояли за домом. Там участок круто поднимался в гору. С горы видна была и крыша их домика, и двор, и зеленеющие деревья на участке. Вот грушевые и персиковые деревья – жаль, урожай уже убрали; вот сливы – они как раз вовсю синеют и желтеют сквозь листву, ешь – не хочу; вот инжир – ему еще поспевать – может, Кольцов, если поживет подольше, застанет... Идиллия!

Абрикосов только нет. Не росли они на участке у Дегтяревых – как, впрочем, и во всей Абрикосовке. Так что этимология названия «Абрикосово» оставалась совершенно неясной. То ли первопоселенцы, высадившиеся здесь в 1831 году с кораблей адмирала Лазарева и основавшие форт на побережье, называли «абрикосами» персики, а ими местечко в самом деле славилось, то ли штабс-капитан, заложивший укрепление, дал ему имя в честь возлюбленной – какой-нибудь графини Абрикосовой... Приятно было об этом лениво думать в густой тени орешника, в шезлонгах на горе...

Васька блаженно вытянул ноги и прокомментировал:

– Расслабляемся, как курортники! Просто стыд!

– А Ваня и есть курортник, – не растерялась Ирма. – А мы так, с ним за компанию. Кстати, он сегодня после обеда часа два кемарил! – Она озорно подмигнула гостю.

Иван виновато ответил:

– Приставал к ней, приставал – давай помогу. А она – ни в какую. Иди, говорит, отдыхай. Еще и груш мне принесла.

– Было за что! Я его на самом деле вовсю тут эксплуатировала. Ванечка мне душ наладил, – похвалилась или слегка уколола мужа Ирма. – И два ведра сливы собрал. И семь баллонов мне завертел!.. Не мужик – находка! Как тебя твоя Марина не ценит – не понимаю.

– Ирма... – поморщился Кольцов.

– Что – Ирма? Ты меня извини, но дура она, твоя Маринка. И ты дурак, что на ней женился!

– Женщина, – строго сказал Вася, – замолчи.

Ирма послушно примолкла.

– Ладно, – заторопилась она, – вы тут расслабляйтесь, а у меня еще посуды гора. – Она легко встала и сбежала вниз, во двор.

Зазвенела там рукомойником и тарелками. Мужчины остались одни.

Вася достал сигарету «Донской табак», пыхнул дымом. Предложил:

– Пойдем завтра с аквалангом?

– У тебя ж работа! А ты еще собираешься меня развлекать!.. Спасибо, что вообще приняли.

– Не базарь.

Василий затянулся. Потом с расстановкой продолжил:

– Утречком, часиков этак в шесть, пока курортников нет, на моем катере выйдем. – Вася работал спасателем на местной водной станции. – А к восьми уже вернемся. Может, наловим рапанов – я их Ефимычу сдам.

– В кафе?

– В кафе.

- Что, едят их курортники?
- Еще как!
- Ну, раз ты сможешь заработать, тогда о'кей.
- «О'кей», – передразнил Василий. – Ишь, набрался словечек от вероятного противника!

Замполита на тебя нет.

– Нет сейчас в армии замполитов.

– Я знаю.

– А помнишь нашего подполковника Дуганова? Как он принимал полбанки и шел в казарму нас воспитывать: «Быстренько все взяли табуреточки – и смотреть программу «Вре-е-емя!»»

– Помню, – усмехнулся Кольцов.

– Хорошее было время.

– Хорошее.

– Ладно, – Кольцов поднялся с шезлонга, – поеду-ка я на дикий пляж. Искупнусь.

– Не наелся еще?

– Морем-то? Не наелся.

– Давай чеши. Смотри рапанов завтра не проспи.

Кольцов сбежал по ступенькам с горки к дому.

В том, что он ответил Василию: «Не наелся морем», была только часть правды.

А вся правда заключалась в том, что сегодня, когда утром он выходил с санаторного пляжа, то лицом к лицу столкнулся с загорелой худенькой девушкой в красном сарафане и с роскошными черными волосами. Одну секунду он смотрел в ее глаза. И она тоже смотрела на него одну секунду – но зато с такой искрой, такой жизнью!

Девушка прошла мимо. Потом Кольцов не выдержал и оглянулся. И в этот момент обернулась девушка. Посмотрела, а потом улыбнулась ему. И пошла себе дальше своей дорогой. Минуту Кольцов простоял словно дурак. Побежать за ней? Взять за руку? Наговорить с три короба?

Девушка смешалась с толпой отдыхающих. А Кольцов поплелся дальше своей дорогой, презирая себя за трусость и неуклюжесть.

Но сейчас, вечером, вдруг засобирался на дикий пляж – потому что был уверен: она тоже будет там. С какой, спрашивается, стати он себе это вообразил? И, главное, почему ему так отчетливо казалось, что она тоже ждет встречи с ним? Именно с ним?

Иван сидел у самой кромки прибоя.

Море готовилось к ночи.

Уже спала дневная жара – когда солнечный жар словно давит на кожу, хочет прожечь ее. Ветер стих. Солнце медленно клонилось к закату. Казалось, оно собирается сесть в море – это к теплой погоде, да и примета хорошая. Ивану хотелось, чтобы солнечный диск упал-таки в воду. Но в последний момент солнце передумало: закатилось за гору. И тут же воздух задышал прохладой. Парочка отдыхающих, сидевших на берегу метрах в ста от Ивана, засобирались домой.

Иван с радостью проводил их взглядом: одному гораздо лучше.

Берег опустел. Сюда вообще редко добирались курортники. Надо было знать дорогу по горам. Или идти вдоль берега, спотыкаясь, по камням. Да и ради чего, спрашивается? Дно здесь ужасное – валуны, покрытые скользкой тиной. Того и гляди расшибешься.

Морская вода сияла чистотой – дождей давно не было. Ободренные вечерней тишиной, на мелководье выползли крабы.

Иван присел на соседний с крабами валун и наслаждался в одиночестве закатом. На пляже никого не осталось. Только в небе кружился-тарахтел мотодельтаплан. Поселок Абрикосово стремился – и не безуспешно – к мировым курортным стандартам: к услугам отдыхающих появились не только водные велосипеды, скутеры и резиновые «акулы», на которых курортников таскали за моторной лодкой, но и небесная экзотика. Можно было полетать на парашюте, который тянули за катером, или прокатиться с инструктором на мотодельтаплане. Нынче утром Иван поинтересовался ценами. Оказалось, что пятиминутный полет стоит пятьсот рублей. Удовольствие явно не про его кошелек. Да и не очень-то хотелось лететь пассажиром. А к управлению его никто не подпустит.

Кольцов понаблюдал, как летчик отработывает свои деньги: делает «коробочку» над пляжем, демонстрируя пассажиру наиболее привлекательные морские виды. Благодаря своему более чем стопроцентному зрению Иван видел, как пассажир с видеокамерой опасно перегибается через низкие бортики аппарата. «Высота – метров семьсот, – автоматически отметил Кольцов. – Вывалится – пиши пропало». Но в Абрикосово еще не доросли до такой капиталистической ерунды, как соблюдение техники безопасности. Васька сегодня утром рассказывал: в прошлом году парашютист, которого тащили за катером, со всей дури грохнулся на пляж. Повредил позвоночник и сломал обе ноги. И это – за свои деньги, в свой собственный отпуск!

Он-то, Иван, рисковал, когда приходилось, по долгу службы, ему за это деньги платили...

Мысли автоматически перепрыгнули в прошлое на собственный опыт.

Память услужливо преподнесла тот злосчастный полет. Ясно, будто в кино, Иван увидел: вот уходит в сторону самолет. Он сам кувыркается, лишенный опоры, в ослепительном небе... Удар! – это открылся основной парашют, наполнился воздухом. Иван подумал, что все напасти позади. И сглазил. Потому что тут же сама по себе сработала «запаска». Два купола, малый и большой, грозились перехлестнуться. Кольцов тогда даже не испугался. Стандартная ситуация. Он стал делать все, как учили. Земля наплывала снизу. Он попытался вручную отцепить основной парашют – и с ужасом понял: замки заклинило. Он дернул раз, другой. Бесполезно. А стропы малого уже захлестнулись за стропы большого парашюта... И купол стал гаснуть. И земля начала надвигаться на него все быстрее, быстрее, быстрее... И когда Иван понял, что отцепить основной парашют не удастся – да это уже и не нужно! – когда кошмарная твердь земли налетала на него все ближе и ближе, Кольцов, помнится, спокойно, даже с усмешкой подумал: «Ну вот тебе и п...ец!» И сразу – вспышка боли и глухая темнота.

Очнулся он в госпитале...

Эх, небо, небо...

С тех пор как на полетах пришлось поставить крест, он черной завистью – да, именно черной! – завидовал тем, кому путь в небо не закрыт. Нет, не коллегам из авиагородка, которые уже несколько месяцев не поднимались в воздух из-за отсутствия керосина, а, например, американским военным летчикам. Те-то добросовестно налетывают свои ежемесячные часы. И получают такую зарплату, за которую не приходится оправдываться перед женой.

Перед женой, которой нужна то шуба, то новая косметика, то сапожки... Да была бы Марина сейчас вместе с ним в Абрикосово – черта с два она согласилась просто так сидеть на пляже. Потребовала бы ресторан, шампанское с персиками, песенку заказать: «А сейчас для красавицы Марины звучит ее любимая композиция «Тополиный пух»...»

Деньгами он ее и сам, верно, купил, когда она за него выходила. Купил, сам того не подозревая. Офицер! Летчик! 280 «рэ» ежемесячного довольствия!.. А сейчас он кто? И какие у него деньги? А вот у других они есть. И на этом, вдруг отчетливо понял Кольцов – ресторанах, персиках, косметике, – ее сейчас покупают другие.

Хрустнула галька. Иван резко обернулся: ему почудилось, что его, с этими его горькими мыслями, застигли врасплох на месте преступления. Кольцов всмотрелся в приближающуюся к нему по берегу фигуру – и у него перехватило дыхание.

Это была та самая девушка с пляжа. Та самая, которой он сегодня днем столь пристально заглянул в глаза. Та самая, что оглянулась в тот момент, когда обернулся он, и улыбнулась ему. Она, правда, была одета иначе, чем утром: не красный сарафан, а черные кроссовки, черные шорты, белая маечка-топик – но это, без сомнения, была она! Роскошные черные волосы, смуглое лицо и руки. Искрящиеся глаза – да, это она!

Вот это совпадение! В Абрикосове – десять тысяч жителей постоянного населения, плюс, наверное, сейчас тысяч сто приезжих. В Абрикосове – сотни мест, где проводят время курортники: три пляжа, десятки кафе, две дискотеки, летнее кино, санаторный парк... – но она, та самая девушка, вдруг оказывается на уединенном пляже за три километра от города! И в тот самый час, когда здесь, на пляже, он!

Но дело даже не в этом. А в том, что он, Кольцов, заранее знал, чувствовал, что она сюда придет.

Он поднялся с валуна – сильный, красивый. На его ноге и плече были шрамы, но сейчас он почему-то перестал стесняться их.

Девушка подошла ближе и улыбнулась.

Здесь, в этой комнате, не было окон. Точнее, они были – но бутафорские. Стекла вечно закрыты жалюзи. Сквозь них пробивается свет. Он даже становится ярче к полудню, меркнет к вечеру, совсем угасает ночью – но свет этот вовсе не дневной, не солнечный. Его испускают установленные за стеклами лампы. Они искусно управляются реле, создавая иллюзию, что за невсамделишными окнами разгорается и угасает день. Комната защищена от прослушивания. Ни сигнал вражеского спутника-шпиона, ни лазерный луч не должны пробиться сквозь двойные стены (сталь, затем прослойка воздуха, а следом бетон), не должны зафиксировать мельчайшие сотрясения воздуха в этой комнате – ни одного слова не должно отсюда просочиться наружу.

Если только кто-то из собеседников, находящихся в этой комнате, сам не расскажет о том, что здесь говорилось.

Об этом думал генерал, сидя за большим полированным столом.

К 19.45 ему доложили картину происшедшего.

Самые худшие его опасения подтвердились.

Он уже знал, что этот человек может нести самую мощную угрозу власти, правительству, его стране – самую мощную, за исключением, пожалуй, ядерной бомбы. А возможно, и еще сильнее.

И единственным разумным выходом виделась немедленная ликвидация этого человека.

Но генерал понимал, что операция по ликвидации потребует стольких сил и вовлечет в свою орбиту так много людей, что о сохранении режима секретности уже не могло идти речи. И значит, все станет известно как минимум – вероятному противнику, а как максимум – широкой общественности.

И этого, конечно, допустить ни в коем случае нельзя.

Правда, совершенно не исключен вариант, что случившееся – это только зарницы, которые посветят-посветят да потом утихнут. Утихнут навсегда. И все придет в свою норму. И никогда не повторится вновь.

Был бы очень благоприятен именно такой исход.

Кроме того, генералу сообщили, что уже начато расследование особого происшествия. А раз начато, зачем же суетиться? Не разумнее ли выждать? Дождаться хотя бы первых результатов? На войне, как и в жизни, зачастую побеждает не самый сильный. Не самый сильный, а самый терпеливый. Тот, кто умеет затаиться и подождать.

Да, в самом деле, умнее было бы, решил генерал, выждать. Выждать хотя бы сутки. И если ситуация начнет выходить из-под контроля – вот тогда отдать приказ о ликвидации самого объекта.

Но ведь возможен и удачный поворот событий. Всегда нужно верить в удачу. (Но не бесцельно уповать на нее!..)

«Выждать, – окончательно решил генерал. – Лучше выждать. И затем – сделать грязную работу чужими руками. Если получится. Ну, а если не получится – тогда...»

Он подошел к бутафорскому окну и подумал, что предстоящие двадцать четыре часа будут не самыми спокойными в его жизни.

Черное море, скалистый берег, ни души, сумерки.

Двое красивых молодых людей – мужчина и женщина.

Они стоят и смотрят друг на друга. Во второй раз в жизни.

– Я вас ждал, – просто сказал Иван Кольцов и подумал, что это, без дураков, самое умное из всего, что он когда-либо говорил. Самое умное, что он только мог сказать.

Она улыбнулась. Секунду подумала.

«Ляпнет глупость?» – пронеслось у него в голове.

Но девушка неожиданно просто призналась:

– А я вас искала.

И эти две фразы сделали совершенно ненужной всю ту длительную и мало осмысленную болтовню, которая обыкновенно бывает при первом знакомстве. Иван и Лена с первых же фраз стали беседовать друг с другом так, словно давным-давно были добрыми друзьями.

– А почему ты искала меня именно здесь? – улыбнулся Иван, даже не заметив, что сразу перешел на «ты».

Но Лена уже вполне пришла в себя. Ей больше не хотелось признаваться в том, что ей тоже хотелось этой встречи. Она пожала плечами и лукаво улыбнулась:

– Я каждый вечер хожу сюда купаться. Обычно здесь никого нет...

Последняя фраза прозвучала с легким укором, но глаза ее выдавали. Они говорили: «Как хорошо, что ты оказался тут!»

Иван смотрел и смотрел на нее. Смуглая. Худая. Жгуче-черноволосая. И эти задорные глаза... Нет, он, право, почувствовал, что влюбился. Еще тогда, мельком на пляже увидев, влюбился. Несмотря на то, что еще пять минут назад был уверен, что любит свою жену.

С мужчинами это случается.

– Хороший вечер.

– Очень тихо.

– Да. Здесь такое – редкость...

– А ты давно здесь, в Абрикосовке?

– Давно.

– А я вчера приехал.

– Я вижу, – улыбнулась она.

– По загару?

– По его отсутствию.

Иван, который весь предыдущий день старательно подставлял лицо солнцу, немного расстроился:

– Что, совсем не загорел?

– Тебе идет романтическая бледность, – подмигнула девушка.

Лене почему-то было легко. Пустой пляж, валуны, море, плавно переходящее в небо. И она – вдвоем с этим милым бледнолицым...

Почему-то вспомнилось вечное тети-Верочкино: «Смотри, не влипни в историю!». Тетя Верочка ее бы точно не одобрила. Сумерки, никого вокруг, а она дружески болтает с каким-то незнакомцем. «А вдруг он маньяк?!» – прошелестел в глубине сознания предостерегающий теткин голос.

Да какой он маньяк. Милый, скромный и не успевший загореть парень...

«Ладно тебе, тетя Вер, – обратилась Лена к строгому призраку. – Во-первых, мы ничего не делаем. Пока. А во-вторых, я человек свободный!»

Иван внимательно смотрел на нее:

– Тебя что-то беспокоит? Хочешь, мы отсюда уйдем? Посидим в кафе?

«Боже, какой он милый, – подумала Лена. – Как будто почувствовал».

Она поспешно ответила:

– Нет, давай останемся здесь!

Страхнула со лба надоевшую прядь. Расправила плечи. Да плевать ей на все эти порядки-правила! Не желает она ждать пресловутого «третьего дринка», никак не раньше которого, по заповедям женских журналов, можно отдаваться мужчине. По крайней мере, сегодня не желает! Ей хотелось, чтобы наконец произошло что-то хорошее? Хотелось. Вот оно и происходит.

«Неужто я влюбилась? Или влюбляюсь? А красиво это звучит по-английски: *falling in love*. Буквально: впадая в любовь. Вот и я сейчас, кажется, впадаю в любовь. Как в какой-то припадок впадают... Как в ересь. Как в грех...»

«Я хочу ее. И хочу, чтобы она всегда была рядом», – в голове у Ивана помутилось. Ее чуть хриловатый голос сводил его с ума.

«В чем дело? – останавливала себя Лена. – Что я в нем нашла? Что со мной?.. Да, у него мощный торс, широкие плечи... Эта обаятельная улыбка – добрая, веселая, чуть смущенная... Ну и что? Ведь ничего особенного... Ну, грудь... Ну, улыбка...»

Но она чувствовала, как сладко тянет у нее внизу живота, как слегка напряглись соски.

Обычно у нее легко получалось отгонять дурацкие мысли. Этому она научилась с первых дней работы в школе. В выпускных классах ведь есть пара-тройка та-аких обалдуйчиков... Мышцы, попки, горящие глаза... Так и хочется наброситься. Но одно неверное движение, один неправильный взгляд – и парень уже понимает, что на уме у молодой училки. А дальше – пошло-поехало, вся школа засмеет. Поэтому Лена подавляла свои желания без всякой жалости. Что поделаешь – ОБЖ. «Основы безопасной жизнедеятельности». Инстинкт у нее был – убивать игривые мысли в зародыше. Держать свое тело в черном теле.

Но сегодня инстинкт ей явно отказывал.

– Пойдем купаться? – сказал Иван.

– Еще рано. Потом.

Небо уже стало темно-синим. Над горой – там, куда упало солнце, – загорелась первая звезда, яркая Венера.

– Позагораем? – предложил он.

Она расхохоталась.

Эта девушка отчего-то вселяла в Ивана невиданную раньше уверенность в себе – и радость. Ему хотелось острить, веселить, побеждать, завоевывать – ее и весь мир.

– Ну, я, пожалуй, разденусь, – сказала она.

– Вечер теплый.

– Не смотри.

Иван послушно отвернулся к морю. Через минуту она уже скинула шорты, футболку и кроссовки и оказалась в купальнике. У Ивана перехватило дух, когда он ее увидел: худая, ни единой лишней жиринки, – и смуглая-смуглая, словно негритоска.

Было очень тепло. Наступала южная ночь. На горе, покрытой лесом, неумоимо трещали цикады.

Они сели на камень. Рядом. Смотрели на море. В море различался белый катер, катавший курортников. На нем уже зажгли сигнальные огни.

– Ты здесь отдыхаешь – от чего? – спросил Иван.

– От школы. От ученичков. От директрисы. А ты?

– От самолетов и курсантов. – Иван не решился сказать, что это все – самолеты и курсанты – уже в прошлом. Не говорить же, что он отдыхает от пассажиров своего «такси». И от жены.

– Ты летчик?

– Да.

– Слушай, летчик, ты в штопор когда-нибудь входил?

– И выходил – тоже, – усмехнулся Иван.

– А я не входила. Но вхожу, – призналась она откровенно. И про себя подумала: «Просто Маргарита какая-то. Ни стыда, ни совести. Сейчас схвачу метлу и начну летать над пляжем...»

Он взглянул на нее. Ее глаза влажно блестели.

– Пойдем купаться, – предложил он.

– Пойдем.

Они медленно вошли в воду. Уже совсем стемнело, и вода казалась светлее, чем воздух. И теплее – теплой, как в ванне.

Она оскользнулась на камне и схватила его за руку. Ее рука была сухой и горячей.

Осторожно поддерживая ее, он вошел в воду.

– А я шла сюда купаться голой, – сказала она.

– Купайся.

«Что со мной? – подумала она. – Что я творю?» Но сняла в воде сначала лифчик, а затем и трусики. Зашвырнула их на берег.

Он сделал шаг к ней. «Нет, нет!» – засмеялась она, оттолкнула его и поплыла. Плыла она мощно, красивым кролем. Во тьме вспыхивали белые искры пены.

Он припустил за ней. Заплыв далеко – берег уже был не виден в чернильной темноте, – она перевернулась на спину. В жгуче-черном небе стояла бесконечная россыпь звезд. Через все небо протянулся белой пенкой Млечный Путь. Иван подплыл к ней и тоже лег на воду рядом.

Под плечами была темная бездна, берег терялся в темноте, загадочная бездна простиралась над головой. Рядом лежал незнакомец. Было страшно и хорошо.

Она не выдержала и кролем полетела к берегу. Плыла она красиво и быстро и знала это. Достигнув мелководья, встала на ноги, запыхавшись. Подплыл Иван. Его дыхание было ровно. «Ну, возьми же меня! – подумала она. А потом: – Я просто сошла с ума».

Он обнял ее. Сильные руки сжали ее бедра. «У меня месяц не было мужчины, – мелькнуло в голове. – Но дело не в этом... Дело в нем, этом парне...» Он поцеловал ее. Так ее еще никто не целовал. Голова у нее совсем закружилась. Она закрыла глаза и притянула его к себе...

Они вышли из воды, тяжело дыша, и сели на полотенце. Было так тепло, что даже не хотелось вытираться. Он продолжал ласкать ее, гладил волосы, шептал что-то нежное. Она закрыла глаза.

Он притянул ее к себе и снова вошел в нее. «Боже!» – подумала она. Она побывала замужем; у нее были мужчины до мужа; у нее случались встречи после него – но так хорошо, как сейчас, ей никогда не было. Словно... Словно ее ласкает кто-то, знающий ее так же хорошо, как она сама... Чувствующий каждую ее клеточку, предвосхищающий каждое ее желание...

Словно этот посторонний кто-то была она сама. И этот любящий ее сейчас, ее все понимающий двойник, был при этом – мужчиной.

Она крепко зажмурила глаза и не понимала уже, где она и что с нею. Кажется, она кричала: «Ну, давай же, летчик, давай же, миленький, давай!»

И тут внутри ее словно взорвался сладкий, яркий, огненный шар. Последней мыслью было: «Я сумасшедшая!»

Сегодня ему снились черви. Полная жестяная банка червей. Противных и розовых. Они шевелились и сплетались в клубки. Гадость, черт возьми!

Крис проснулся с тяжелым чувством. Оказалось, что его простыня мокра от пота, несмотря на то что кондиционеры гудели вовсю. Наташка крепко спала. Перед сном она не стерла косметику, и ее подушку украсили сине-черные разводы. Крис брезгливо взглянул на девушку и грубо ткнул ее в бок. Та испуганно подскочила.

– Слушай, к чему это черви снятся? – поинтересовался он.

Наташка закатила заспанные глаза и прошипела:

– Во, блин, вопросик! К башлям снятся. Чем больше червей – тем больше денег.

– Ладно, дрыхни, – разрешил Крис и нехотя встал с постели. Дай-то бог, чтобы толкование сбылось. Вечер предстоял тяжелый.

Крис завел себе моду: спать днем, после обеда, а работать – утрами и вечерами. Он где-то читал, что так принято в Испании. И в других странах с жарким климатом, типа Бразилии. «Сиеста», кажется, называется. Или «фиеста». А у нас тут, в Абрикосовке, летом чем не Бразилия!

По утрам он с пацанами обычно торчал в любимом кафе «Катран». Вели всякие базары – когда просто «за жизнь», а когда по-деловому. Там же он ел, а иногда снимал на время своей «фиесты» девочку.

А вечерами, когда спадала жара, выходил на работу. Дел было невпроворот. По четвергам, например, он собирал бабки. А сегодня как раз был четверг. Восемнадцать точек надо обойти, не игрушки! Со всех струсить положенное и отвезти хозяину, который за каждую копейку спрашивает отчет.

А народец борзеет. Так и норовит на халявку проехаться. Нет выручки, видите ли, у них. Спросу нет. Народу везде – залейся, а у них спросу нет.

Крис прошлепал в ванную и включил водонагреватель. Тут же потекла теплая вода, что для Абрикосова являлось роскошью. Местные жители в лучшем случае пробавлялись летними душами, а то и вовсе ходили мыться в море. Вот быдло!

Крис полез в ванну – и натолкнулся на огромную жирную гусеницу, которая притаилась в мильнице.

– Вот зараза! – выругался он, спуская ее в унитаз.

Кругом одни черви.

Посмотрим, сколько-то нынче будет денег.

Крис вынул из холодильника запотевшую бутылку «Балтик» номер девять, выпил пару добрых глотков – в голове сразу прояснилось – и спустился во двор. Охранники были на месте. Крис хмуро кивнул им и направился к машине.

– Сначала на море, – приказал он водителю.

Несмотря на то что солнце уже садилось, пляж был заполнен народом. Сегодня Крис решил начать с фотографа. Вот он, урод: на голове убор из индейских перьев, поверх плавок – соломенная юбочка (с понтом «я – туземец»). За руку держится обезьянка. Рядом – пальма из картона. И чего только люди не делают, чтобы этим дурацким курортникам угодить!

Лениво следуя курсом на мужика, Крис вдруг увидел, как фотограф быстро-быстро, бочком, покидает свою огромную бутафорскую пальму и, прихватив обезьянку, устремляется к выходу с пляжа.

– Бежит, сука! – удивленно сказал Крис охранникам. Парни, умело лавируя между загорающими людьми, перехватили беглеца и подвели его к Крису.

Фотограф жалобно взглянул на него:

– Есть только половина!

Крис молчал.

Фотограф судорожно вцепился в свою обезьянку, которая меланхолично ковыряла в носу, и воскликнул:

– Они, заразы, все со своими «мыльницами» приезжают! Я им тут не нужен! Только обезьяну мою щелкают за «чирик»!

Крис нахмурился. Отдыхающие стали поглядывать на них с интересом. Фотограф, понимая, что его вряд ли будут бить на глазах у публики, совсем осмелел:

– С ума спянуть, половину отстегивать! Вон, в Инале тридцать процентов берут! А в Сочи вообще всего по сотке в день!

В самом деле, ну не бить же уroda на глазах у толпы. Придется с ним поговорить отдельно. Крис протянул руку:

– Давай что есть, ублюдок. Завтра пойдешь сам с хозяином разбираться.

Фотограф радостно протянул ему пять сотен.

Отсрочка получена! А до хозяина когда еще дело дойдет... А может, и не дойдет? Может, забудут?

... Дальше сборы тоже шли невесело. Пятеро из восемнадцати точек до конца не рассчитались. Продавцы арбузов жаловались на поборы гаишников и экологов. Тир – на то, что с утра налетела налоговая полиция. Водная станция – на проблемы с бензином: «По восемь рубликов заправляемся! Вместо трех! Откуда бабки-то?»

Крис собрал тридцать штук – вместо положенных сорока. На десять косых меньше. Не велика вроде разница. Но хуже, что каждый неплатеж – да еще на глазах у пацанов – подрывал его авторитет. Придется теперь всю неделю разбираться с должниками.

«Разбираться» – не значит обязательно бить или там поджигать чего-то. Нет. Мы ж не какое-то там зверье. Не чурки же, не беспредельщики! Для начала надо посидеть с человеком, поговорить по душам, покумекать. Может, действительно иной раз войти в его положение. Может, и в самом деле тот налог, что он платит Крису, завышен. У нас же никакой не рэкет, а плата за охрану! Бывает, надо пойти человеку навстречу. Снизить таксу. Мы же не дураки: резать курицу, несущую яйца... «Но вот фотографа, старого паскудника, я бы лично урыл без разговоров!» Очень Крису не нравился этот слюнявый тип с обезьянкой.

В довольно мрачном расположении духа Крис подходил к последней точке – любимому кафе «Катран».

«Боже, что со мною? – думала Лена Барышева, сидя рядом с Иваном в теплой темноте его «жигуленка». – Я веду себя как настоящая шлюха. Отдалась первому попавшемуся мужику. Практически – незнакомцу... Вот так курортный романчик! Держалась весь отпуск, а как уезжать – запрыгнула на мужика через полчаса после знакомства. Ну, Ленка, ты даешь!..

Но ведь до чего хорош! До чего мил! И как ловок! Наверно, впервые за год меня кто-то поймел так, что больше совсем ничего не хотелось».

Хотелось одного – сидеть и расслабленно мычать. Тем более что Иван был рядом, не заводил мотор и только обнимал, целовал руки, шею...

«Фантастика! – продолжила думать Лена. – Где-то на юге встретить летчика из Сальских степей, сразу отдаться ему и млеть теперь в машине под его поцелуями! Умелыми, надо сказать, и такими сладкими поцелуями...

В самом деле: у меня был муж, у меня были мужчины и до него, и после. Я тело свое знаю все, до последней клеточки. У меня даже, черт возьми, женщина была! Но так хорошо, так сладко мне не делал никто: ни я сама, ни женщина и ни один мужчина.

А самая большая странность заключена в том, что я поняла: так будет, как только увидела этого Ивана тогда, утром, на пляже. Мне даже в тот момент почудилось прикосновение его рук... И потом я весь день, даже не задумываясь над этим, искала его... Но самая удивительная странность даже не в этом... А в том, что я все-таки нашла его: одного, на пустынном пляже, в трех километрах от поселка... С чего я взяла, что он будет именно там? И ведь он оказался там!»

– Куда поедем? – хриплым голосом спросил Иван, отрываясь от нее.

Темная машина стояла в заросшей низким горным лесом расщелине. Неумолчно трещали цикады.

– А куда ты хочешь? – покорно проговорила Лена.

– Поедем к моим друзьям! Они здесь живут. Они классные ребята, Васька и Ирма. Я хочу тебя с ними познакомить!

Она задумчиво покачала головой.

– Поедем! – восторженно продолжал Иван. – Они здесь недалеко. В поселке – улица Удалова Щель, тридцать! Я тебя познакомлю, посидим у них во дворе...

– Ванечка, – мягко сказала Лена, – да ведь уже поздно.

Иван бросил взгляд на часы на приборной доске: половина первого ночи.

– Да, действительно, – пробормотал он, – я совсем потерял голову... Знаешь, Лен, – вдруг начал он, потом споткнулся, а затем все-таки выдохнул и продолжил, словно в воду кинулся: – У меня такое чувство, что я... что я искал тебя всю жизнь... И что я... Я... Словом, я жить без тебя не могу...

Лена приблизилась к Ивану, поцеловала его в щеку и просто, без затей, сказала:

– Мне тоже очень хорошо с тобой.

Иван повернул голову и принялся яростно целовать ее.

– Постой, постой!.. – высвободилась она, смеясь. – Поздно уже... Отвези меня домой!

Иван вдруг протрезвел, помотал головой, словно пес, выскочивший из моря. Затем собрался, повернул ключ зажигания и спросил уже совсем другим, деловым тоном:

– Куда едем, гражданочка?

До поселка парочка добралась за пять минут.

Несмотря на позднее время, под открытым небом работали все кафе. Столики были полны. Шашлычный чад мешался с ревом музыкальных ансамблей. По темной набережной прохаживались толпы гуляющих. Гремела дискотека. Многие купались в черном – по-настоящему черном! – и тихом море.

– Может, выпьем кофе? – предложил Иван, когда они добрались до «цивилизации».

– Давай, – согласилась Лена.

Им просто не хотелось расставаться друг с другом.

Машина Ивана остановилась у кафе «Катран».

Мальчишка-бармен покопался в столбике кассет и выбрал Джо Дассена.

Лена улыбнулась:

– Красота! Чем не Марсель?

Кафе находилось метрах в ста от набережной, живой музыки здесь не водилось, оттого занят здесь был всего один столик. За вторым, в уголке, примостились Иван с Еленой, пили свой скромный чай с коньяком и лимоном.

Иван погладил ее по руке:

– Может, потанцуем?

Лена не смутилась из-за того, что площадка для танцев была пуста:

– С удовольствием!

Иван осторожно обнял ее. Лена доверчиво положила правую руку ему на плечо. Они не обратили внимание на то, что в этот момент в кафе зашли трое мужчин самого мрачного вида.

Крис рывкнул:

– Зови хозяина.

Мальчишка-бармен тут же скрылся в недрах кухни. Хозяин появился мгновенно:

– Крис, дорогой, совсем горю! Видишь, народа нет. Оркестр не поставил – никто не ходит! А кто ходит – только место занимает!

Он украдкой показал на танцующую пару:

– Вот глянь. Два чая и пятьдесят коньяку. Семнадцать рублей. Прибыль – пятерка! Время самое ходовое, а в кафе – пусто. «Трешку» только могу тебе дать...

Три тысячи вместо положенных пяти!

Крис молча прошел к столику. Хозяин тут же мигнул-махнул, призывая официантку с холодной водочкой.

Крис выпил залпом и невидящим взглядом уставился на танцующих. Больше всего ему хотелось выхватить пистолет – он был в рубашке навыпуск, чтобы скрывать ствол, – и пристрелить хозяина. И тупую официантку – тоже. И эту сладкую парочку. Девчонка – стройная, зараза! – так и вцепилась в своего мужика, в этого лоха.

Крис рывкнул на все кафе:

– Выключи эту дрянь!

Бармен поспешно нажал на «стоп». Песня оборвалась на полуслове, парочка остановилась на полушаге... Мужчина и женщина взглянули на Криса и... дружно засмеялись. Потом спокойно вернулись к своему столику. Крис только и расслышал: «Местная мафия предпочитает Кучина». Он тяжело поднялся и подошел к веселой парочке. Мужчина что-то понял, весь подобрался, напряжился. Женщина по-прежнему улыбалась. Крис видел ее роскошные черные волосы и тонкие загорелые руки. Бармен по собственной инициативе поставил «Поручика Голицына». Крис протянул женщине руку:

– Пошли, потанцуем.

Она бесстрашно ответила:

– Спасибо, нет.

Он грубо схватил ее и одним легким рывком вытащил из-за стола:

– Я сказал – пошли.

Ее спутник вскочил. Крис махнул охранникам.

От первого удара мужчина уклонился. Вторым ударом ему разбили губу. Женщина пыталась вырваться, и Крис больно выкрутил ей руку.

Мужчина отчаянно сопротивлялся. Ему удалось угостить одного из охранников таким ударом, что тот тяжело, как медведь, рухнул на землю. Второй опешил – и тут же получил мощный хук в челюсть. Крис выпустил женщину, бросился на нахала и ударил его ногой под колено. Бармен тем временем запирает входную решетку, ограждавшую кафе от улочки, – он решил, что лишние свидетели сейчас совершенно ни к чему. Охранники встали с земли. Их глаза горели откровенной злобой...

Лена отступила на шаг назад. Она не успела даже испугаться.

Казалось, все происходит во сне. Или в кино. И совсем даже не с ней. Не с ними.

Вот трое амбалов наступают полукольцом на Ивана. Один размахивается – и бьет. Иван уклоняется. Кулак проходит мимо.

Вот Иван уже оказался в кольце троих мужчин.

Один из них – тот, что приглашал Лену танцевать, – достает пистолет. Входная дверь закрыта. Бармен и официантка вмешиваться не собираются.

– Ну держись, падла! – ревет мужик с пистолетом и бросается на Ивана.

...Рукоятка пистолета отчаянно больно хлестнула по щеке. Иван покачнулся – и тут же получил мощнейший удар по почкам. И потом – в живот. Лена, почему ты молчишь, Лена, почему просто смотришь и не зовешь на помощь?

Вот Иван уже на земле.

Главарь – тонкий бритый хлыщ – наступает ему на лицо ботинком. Двое других, нехорошо усмехаясь, обступают Ивана.

И вдруг Лена видит, как декорации чудесным образом меняются.

Охает главарь. Хватается за живот. Опускается наземь. Корчитя. Хрипит.

Тут же удивленно, как сноп, падает на пол второй бандит. И, вскрикнув, схватившись руками за горло, прохрипев что-то, – третий.

Иван медленно встает с земли. Лицо его кровоточит. Глаза бессмысленны. Они ничего не выражают. У него под ногами корчатся подонки.

Иван, глядя невидящими глазами, хватается за руку, тянет ее к выходу.

Переступая через троих поверженных, они выходят.

Официантка, бармен и сам хозяин провожают их изумленными глазами.

Крис и его приспешники лежат на полу кафе без признаков жизни.

Внезапно наступила тишина. «Куда подевались оркестры? – подумал Иван. – Народ, шум, смех?» Он чувствовал только, что кто-то крепко и нежно держит его под руку. Но никак не удавалось вспомнить, кто это... В голове стучало, было нестерпимо жарко и не хватало воздуха.

Иван с усилием повернул голову и как будто впервые увидел девушку, которую держал под руку. Испуганные глаза, узкие смуглые руки... Это же Лена, моя Лена!

Она ни о чем не спрашивала. Просто молча держалась за него и вела его все дальше от злосчастного кафе, к морю, к воде. Иван был благодарен за то, что она молчала.

Постепенно он начал различать окружающие их звуки. Оказалось, что и оркестры на месте, и по-прежнему полно гуляющих. Звуки постепенно наплывали и становились все громче и громче...

Лена привела его на санаторный пляж, почему-то незапертый, несмотря на позднее время. Усадила в креслице водного велосипеда, который на ночь вытащили на сушу. Ласково погладила по щеке:

– Все, Ванечка, все. Теперь все хорошо.

Рядом шипело море. Здесь, на санаторном пляже, не было ни души. В сумраке летней ночи он выглядел немного зловеще. Баррикада из лежаков. Траншеи-песочницы. Кривобокий душ. И одиночество, пустота в груди. Как будто он один во всей Вселенной. Один во враждебном мире.

– Испугалась? – спросил Иван.

Лена отреагировала неожиданно:

– Иван, ты был ве-ли-ко-ле-пен. Настоящий воин!

Эх, женщины, женщины!.. Как вы любите воинов!

Но что это было? Что было с ним? Он помнил только одно: драку. Удары чужих кулаков. Боль. Стыд. И – наползающую ярость. Ярости становилось все больше и больше. Она быстро

набухала в нем – огненная, яркая. Потом ярость превратилась в огромный красный шар. Он ярче, больше... Он, этот полыхающий шар, становится нестерпимей, чем боль...

А после – взрыв, пустота, беспомыслие...

Что это было? Что было с ним?

В половине второго ночи Иван проводил девушку до санатория.

Заспанный вахтенный отворил дверь.

Они поцеловались на прощание и договорились встретиться здесь же, у корпуса, завтра ровно в десять утра.

Иван сел за руль своего «жигуленка».

Что с ним было? Что случилось с ним сегодня? Что вообще, черт возьми, с ним происходит?

Дорога к дому Дегтяревых проходила мимо почтового отделения. Иван затормозил, остановился. Выключил зажигание. Дверь телеграфа и переговорного пункта была раскрыта. Внутри горел свет. Входили-выходили люди.

Иван вылез из машины, запер ее.

Ему обязательно надо было позвонить жене.

А зачем? А зачем – он и сам не знал.

Лена легко взбежала по мраморной лестнице.

Прошла по темным санаторским коридорам. Открыла дверь в свой номер.

Зажгла свет. Прошла по оборудованному с казенным уютom номеру.

В голове был полный сумбур. Какая-то звенящая легкость и пустота. И радость.

Рука скользнула в карман шортиков и что-то нащупала там. Она вытащила: цепочка, крестик. Простая серебряная цепочка. Простой серебряный нательный крест. Лена вспомнила: во время драки в кафе этот крестик сорвался с груди Ивана, отлетел по полу к ней под ноги. Она машинально сунула его в карман – и забыла о нем.

Лена походила по номеру, затем задумчиво достала из тумбочки свой сотовый телефончик. С нынешнего года Абрикосовка была подключена к сотовой сети, так что позвонить куда угодно – хоть в Москву, хоть в Питер, хоть за границу – было не проблемой.

Лена набрала знакомый номер.

Глава 4 НОЧНОЙ ЗВОНОК

13 августа (та же ночь),

3 часа 10 минут. Азов-13.

Капитан Петренко

Капитана разбудил телефонный звонок.

Просыпался он тяжело. Проснулся, когда телефон прозвонил раз пятнадцать.

Схватил трубку, еще не понимая, где он находится: у себя дома в Петербурге? В комитетской общаге в Москве? Где-то в командировке?

И что за телефон звонит? Его мобильный? Домашний?

Или то вовсе не телефон, а будильник?

Или он вообще в Петербурге, дома, и во дворе-колодце под окном сработала сигнализация у его «девятки»?

Нет, это все-таки был телефон. Капитан снял трубку.

– Товарищ капитан, разрешите доложить! – гаркнул прямо в ухо свеженький, молодой голос.

– Докладывайте, – просипел со сна Петренко и вспомнил все: он в офицерской гостинице в военном городке Азов-13, он ведет расследование таинственной смерти жены капитана Кольцова, а бодрый утренний голос принадлежит Грибочку – одному из бравых местных старлеев-особистов.

– Товарищ капитан, засекли Кольцова!

– Как засекли? – спросил Петренко, оттягивая и предвкушая главный вопрос: где же он, Кольцов?!

– В два десять он звонил по междугородному телефону своей жене...

– В морг? – иронически поинтересовался Петренко. Избыточная бравада старлея посреди ночи раздражала.

– Никак нет! Звонил Кольцов по междугородному телефону в квартиру своей бывшей жене. После того, как на звонок никто не ответил...

– Естественно... – пробурчал Петренко.

– ...После этого, в два двенадцать по Москве, Кольцов позвонил майору Журавлеву...

«Это тот майор, жена которого – Золотые Шары – так любезно меня принимала», – вспомнил Петренко.

– ... Разговор между ними зафиксирован. Записан...

– Тащите его мне. Ну и, старлей, откуда он звонил?

– Из Абрикосовки.

– Откуда-откуда?

– Виноват: из поселка городского типа Абрикосово. Черноморское побережье Кавказа.

– Там у него кто-то был... – вспомнил капитан вчерашний список родственников и однокашников экс-капитана Кольцова.

– Так точно. Дегтярев Василий. Его дружок по училищу...

Абрикосово... Черноморское побережье... На мгновение у капитана вдруг похолодело в груди: все-таки Черноморское побережье... Двенадцать, кажется, морских миль – а там территориальные воды... Он может похитить на побережье любой катер... Даже лодку... Граница сейчас на том участке знамо как охраняется – поди, не Таджикистан... А в море Кольцова может взять на борт любой корабль... Хоть турецкий, хоть натовский, хоть украинский... Вдруг Кольцов именно так все и задумывал? И это заранее подготовленная операция? И Кольцов уйдет?..

Но зачем тогда ему было звонить?.. Тем более – мертвой жене? В пустую квартиру? Неужто он не знает, что она – мертва?

– Слушай сюда, старлей, – внятно сказал Петренко. – Сделаешь все, как надо – я буду не я, – возьму тебя в Москву. Я это тебе обещаю. Там хваткие нужны...

У старлея аж в зобу дыхание сперло.

– Твою фамилию напомни.

– Жуков я!

– Так вот, Жуков, – продолжил Петренко. – Первое. Быстро тащи мне в штаб, в мой кабинет, запись разговора с Кольцовым этого Журавлева. Второе. Буди самого Журавлева, тоже тащи его ко мне. Третье... Сколько тут километров до Абрикосова?

– Километров пятьсот пятьдесят – шестьсот.

– Ого!

Петренко подумал: не разбудить ли полковника Букаева, не попросить ли у него вертолет – но потом прикинул: пока вертолет заправят, пока летчика разбудят... Пока полет со всеми согласишь, да еще по ночному времени... Получится, что на машине быстрее. Ну, или, по крайней мере, не медленнее. И главное: не надо ждать никаких согласований, а можно действовать. А капитан любил действовать.

– Да, – продолжил капитан в трубку (Грибочек, ободренный перспективой возможного перевода в столицу, жадно внимал), – организуй мне машину. С водилой. Самую надежную тачку в части возьми. Если надо – у командира части отбери. Я с ним как-нибудь разберусь. Заправь полный бак, залей канистры. К четырем ноль-ноль сделаешь?

– Постараюсь.

– И еще: связывайся с тамошним, абрикосовским, погранотрядом, сообщи, что есть точные оперативные данные, что в районе Абрикосова готовится переход госграницы. Пусть они там усилятся... Береженого бог бережет... Все понял?

– Так точно.

– Ну, с богом.

Когда капитан положил трубку, оказалось, что он уже стоит у кровати: бодрый, четкий, готовый действовать. Сна как не бывало.

А побриться все равно не мешает.

То же самое время.

Абрикосово. Лена

Она долго не могла уснуть. Вставала, пила воду. Стояла у черного окна, за которым шумели деревья санаторного парка: начинался норд-ост.

Ее тело переполняла блаженная легкость. Она получила сегодня компенсацию за жаркие ночи без сна, что провела на курорте. За то зудящее чувство, порой поднимавшееся снизу и

не дающее уснуть всю ночь. Случайный незнакомец удовлетворил ее на все сто. Тело ее могло быть довольным.

А вот на душе было беспокойно. В ней смешивались стыд и любовь: «Отдалась случайному мужику, через час после знакомства! Позор!» И: «Как он был хорош! Везде, все время... В машине, в кафе, в море, на берегу... Во всех своих проявлениях... Разве не о таком мужчине мечтаешь всю жизнь?» Грызла сердце к тому же невесть откуда взявшаяся ревность. И досада: «Почему он уехал? Почему не остался со мной? Он, наверно, презирает меня за то, что я сделала? Считает обычной курортной шлюхой... И никогда больше не подойдет ко мне...»

И еще в незнакомце была какая-то тайна. Лена вспомнила, как упали, корчась, на пол кафе мужики, напавшие на Ивана. Она могла поклясться: он даже не дотрагивался до них. Он лежал на земле, закрыв глаза и стиснув кулаки. Лицо его было искажено яростью. Но он не бил их. Отчего же они захрипели и стали оседать на пол? Что за странный приступ, похожий на эпилепсию?

Лена вздохнула. Нет, никак не уснуть. Она слишком взволнована. Придется, черт побери, принять снотворное.

*То же самое время, или 7 часов 10 минут
вечера по времени Восточного побережья.*

США, штат Вирджиния, Лэнгли.

Штаб-квартира Центрального разведывательного управления США

- Шифровка агенту-оператору.
- Да, сэр.
- Молния, по запасному каналу связи.
- Да, сэр.

– «Ваше сообщение о русском феномене представляет исключительный интерес. На ваш счет в Швейцарии переведено дополнительно сто тысяч швейцарских франков. Вопрос о предоставлении вам американского гражданства рассматривается Госдепартаментом и будет, вероятно, принят в самые ближайшие дни. Просим вас активизировать работу по русскому феномену. Мы были бы весьма заинтересованы в том, чтобы вы сумели вступить с ним в близкий контакт. В случае если вам удастся обеспечить вывоз объекта за пределы России, ваше вознаграждение составит пять миллионов швейцарских франков, и мы будем готовы немедленно предоставить вам защищенное убежище в любой точке земного шара. Выполнение этого условия гарантирует вам президент Соединенных Штатов лично. Пожалуйста, ускорьте работу по русскому феномену и по возможности подробно информируйте нас о ходе дела... Вы записали?»

- Да, сэр.
- Шифруйте и отправляйте немедленно.

3.40 ночи. Азов-13.

Капитан Петренко

Над российским военным городком лежала темная теплая степная ночь. За пять минут капитан Петренко бодрым шагом добрался от офицерского общежития до штаба и в три сорок ночи уже сидел в своем временном кабинете под сенью несуразно огромного Ленина.

Не успел Петренко включить свой лэп-топ и выйти в комитетскую сеть, как в дверь постучали.

– Войдите!

Появился Грибочек. Он был в форме и в идеально начищенных полуботинках, даже верхняя пуговица рубашки застегнута, а галстук затянут – аж воротничок в шею врезается. В руках Грибочек тащил огромный катушечный магнитофон.

– Разрешите обратиться?

– Валяй.

– Принес вам перехват телефонного переговора между гражданином Кольцовым и майором Журавлевым! Разрешите включить?

– Давай-давай.

– И еще. Майор Журавлев лично прибудет в ваш кабинет в четыре ноль-ноль!

– Очень хорошо.

– Машина для вас готовится. Будет подана к четырем пятнадцати. Прикажете к подъезду?

– Да, пожалуйста.

Чинопочитание Грибочка, чрезмерное даже для человека, которому посулили перевод в Москву, начинало действовать на нервы.

– Давай иди! – поморщился Петренко.

Грибочек подключил магнитофон и, бережно ступая, вышел, тихо-тихо прикрыв дверь.

Петренко уставился на магнитофон. Такие же, с катушками, он помнил еще по своему детству. «Маг, – всплыло у него забытое слово. – Тогда мы называли их «магами». На таких монстрах он гонял тогда пинк-флойдовскую «Стену» и «Иисуса Христа – суперзвезду». И «По волне моей памяти» Тухманова. Как там, бишь, он включается?

Петренко щелкнул тумблером. Катушки закрутились, и сквозь шелест междугородного эфира послышался далекий голос:

– Привет. Не разбудил?

«Это Кольцов, – понял Петренко. – Голос хороший, спокойный, уверенный».

– А, Ванька! – ответил Журавлев. – Ты откуда?

– От верблюда. Слушай, что-то я Маринке не могу дозвониться... Не знаешь, где она?

Пауза.

– Ты... Ты ничего не знаешь?

В голосе майора Журавлева был нескрываемый ужас.

– Нет. А что?

Кольцов был сама безмятежность, сама невинность. Неужто так хорошо играет? Вот артист! «А почему бы нет? – вспомнил Петренко. – Он же в училище был в самодеятельном театре...»

– Ее нет...

Голос Журавлева подрагивает.

– В смысле?

– Она... она погибла.

- Что?
- Она умерла... Прости... Ее убили...
- Как? Когда?
- В тот вечер, как ты уехал... Ее нашли на следующий день... В вашей квартире... Слушай, тебя здесь все ищут...
- Как... как она погибла?
- Никто ничего не знает. Идет следствие... Приехал следователь из Москвы...
- И что... И что говорят?
- Я не знаю – что. Слушай – приезжай. Сам приезжай. Понял? Тебя все ищут.
- Я понял тебя... А когда похороны?
- Не знаю.

Молчание. Шуршание пленки и междугородного эфира. Петренко сжал кулаки. Он готов был пришибить этого Журавлева. Разболтал все, что можно!

– Алло? Алло! – голос Журавлева. – Ваня, ты где? Ваня! Алло!

Повесили трубку. Короткие гудки.

Петренко выключил магнитофон.

Итак, п.г.т. Абрикосово – курортный поселок на берегу Черного моря.

В два десять ночи Кольцов был еще там. Надо надеяться, что до утра он никуда не уедет.

4.30 утра. Азов-13

Капитан Петренко вышел на крыльцо штаба. Отставая на полшага, его провожал Грибочек.

У подъезда стояла черная «Волга». Рядом слонялся шофер-солдат: гимнастерка расстегнута до пупа, пилотка сбита на затылок, в руке цыгарка.

– Смир-рна-а! – злобным шепотом скомандовал Грибочек.

Служака не слишком поспешно выкинул сигарету, застегнул гимнастерку и встал по стойке «смирно».

– Поступаешь в распоряжение капитана Петренко. Следователя из Москвы! Вместе с машиной. Понял?..

– Так точно, – с ленцой ответил солдат.

– Вольно, – перебил Петренко. – Как звать?

– Сержант Трофимов!

– А по имени?

– Ну, Алеша...

– Как, Алеша, машина в порядке? Тормоза, сцепление?

– Все путем, товарищ капитан!

– Хорошо. Сейчас заедем в гостиницу за вещами, потом устроим автопробег. Бензин?

– Залили полный бак, товарищ капитан, – вмешался Грибочек. – И еще – две канистры.

– Спасибо тебе, старлей, – с чувством сказал Петренко. – Помог мне. А я свои обещания помню. Так что жди вызова в Белокаменную.

– Спасибо вам, товарищ капитан!

– Давай. – Петренко похлопал старлея по плечу, прямо по трем колючим звездочкам на погонах.

Сборы были недолги. Петренко на минутку заскочил в «ДОС», покидал в чемоданчик бритвенные принадлежности, вчерашнюю рубашку и носки. Спустя пару минут заспанный караульный солдатик уже открывал перед «Волгой», в которой сидел Петренко, ворота проходной.

Едва они выехали из городка, Петренко тормознул сержанта Алешу.

– Давай вылезай. Я поведу. А ты ложись назад, покемарь.

– А вы умеете?

Петренко только усмехнулся.

Пересели.

Степная теплая ночь обнимала машину. Ни машин, ни людей. В свете фар прострекотал по дороге ежик.

Петренко плавно тронулся с места. Сцепление было туговато, и разгонялась «Волга» не ахти. Зато уж, верно, разгонится – не остановишь.

Петренко не спеша, привыкая к машине, доехал до трассы – а там уж полетел вовсю. Ни встречных, ни попутных не было. Южная ночь лежала над степью. Фары дальнего света выхватывали из мрака дорогу, белые столбики вдоль шоссе и пирамидальные тополя вдоль обочины. Тополя по пояс покрашены в белый цвет. В какой-то момент фары выхватили вдруг вспыхнувшие глаза то ли кошки, то ли какого иного ночного зверя. Мошकारа размазывалась по лобовому стеклу.

Стрелка спидометра быстро добралась до ста пятидесяти. Часы показывали без пяти пять утра. На заднем сиденье засопел сержант Алеша.

Петренко улыбнулся. Получасом раньше он подтвердил из двух независимых источников информацию, которую дал ему старлей Грибочек. И старлей Вася Буслаев, страхующий Петренко в Москве, и майор Журавлев сообщили, что в п.г.т. Абрикосово проживает однокурсник Кольцова по Тамбовскому высшему военному училищу летчиков Василий Дегтярев, ныне уволенный в запас, и его адрес: Абрикосово, улица Удалова Щель, 30.

Петренко ни на секунду не сомневался, что, если Кольцов в Абрикосове, он в гостях у своего друга Дегтярева. По разговорам вчерашнего дня у него создалось о Кольцове впечатление как о человеке, весьма дорожащем дружбой и поддерживающем хорошие отношения со многими однокашниками.

Петренко еще прибавил газу. Двигатель «Волги» зарычал, и стрелка спидометра поползла к ста семидесяти. Петренко не боялся ни дорожных ям, ни гаишников, ни встречных. Он боялся одного: уйдет Кольцов.

До Абрикосова оставалось шестьсот десять километров.

То же самое время

Агент-оператор получил шифровку из центра полчаса назад. Шифровка пришла по запасному каналу связи, к помощи которого Центр прибегал впервые, – через сеть Интернет. Для любого случайного пользователя на экране ноутбука высветилась бы случайная хаотичная картинка. Оператор, подключив декодер, прочитал сообщение и тут же нажал «Delete».

Было о чем задуматься. Пять миллионов швейцарских франков – это не шутка. Это – больше трех миллионов долларов. И – убежище по программе защиты свидетелей.

Весь последний год, год своей работы на американцев, агент-оператор ждал именно такого задания. Ждал чего-то такого, что позволит ему слупить с хозяев одну большую сумму разом – и уйти. Уйти из России и жить в покое. Где-нибудь на вилле на Багамах или на Гавайях.

Но он даже и представить себе не мог, что последнее задание будет связано с человеком. Во всяком случае, с таким человеком. Внутренне он был готов к тому, что ему придется работать с кем-то, вербовать кого-то из московских высших кругов – и он подбирался к этим самым высшим кругам, благо род его деятельности позволял ему держаться к ним достаточно близко. Но вот то, что объектом окажется какой-то занюханный летчик из провинциального гарнизона, нет, этого оператор представить себе не мог. И был внутренне не готов к работе с ним.

А для начала объект надо найти.

Оператор сидел, глубоко задумавшись.

Ночь лежала над Россией. Поднимался ветер.

Глава 5

«ЕГО ВСЕ ИЩУТ, НО ЕГО НИГДЕ НЕТ»

Следующее утро, 13 августа, 10.00.

Абрикосово.

Лена Барышева

Она сидела на лавочке перед корпусом. Было солнечно и ветрено. Где-то в вышине шумели платаны санаторного парка.

Лена не выспалась, но ей было хорошо, маечно и немного страшно. Как в детстве: ждешь на день рождения подарка, и волнуешься, и предвкушаешь, и боишься – а вдруг его не будет.

Лена знала: скоро придет Иван. Странно: она совсем не помнила его лица. Руки его – помнила. Тело – помнила. Все помнила, каждую клеточку. А вот лицо – забыла. Она почему-то засмеялась: «Вдруг я не узнаю его?»

Лена сидела в блаженной полудреме и мечтала: сейчас они встретятся. Он поцелует ее. Они пойдут к морю, взявшись за руки. Море, наверное, штормит. Она бросит в волны монетку – ведь сегодня ее последний день.

Потом они позавтракают где-нибудь в кафе на берегу. Выпьют кофе – а может, даже шампанского. А потом она утащит его к себе в номер. Уж предлог какой-нибудь придумает. И они опять будут любить друг друга.

А потом он примчится к ней в Москву... Почему-то она не сомневалась, что примчится. Она была уверена, что Иван испытывает к ней точно такие же чувства, что и она к нему. Чувство такой силы, при котором нельзя быть врозь...

Лена взглянула на золотые часики от «Картъе». Однако! Четверть минут одиннадцатого. Что за идиотская манера – опаздывать! Надо будет этого летчика проучить...

Однако и в двадцать минут, и в половине одиннадцатого проучивать было некого – Иван не пришел.

Отчего-то Лена ни на секунду не подумала, что Иван забыл о свидании. Или что он решил посмеяться над ней. Или – бросить ее. Даже отдаленно такая мысль не приходила ей в голову. Но... Вдруг что-то случилось? Вдруг те мордовороты из кафе решили отомстить Ивану? Подкараулили его? Избили?

А если он попал в аварию? От санатория до места, где он живет, дорога кружная. Часть ее проходит по трассе... Вдруг навстречу Ивану несся какой-нибудь пьяный «МАЗ»? Или – обкурившиеся братки на «БМВ»?

Сердце Лены болезненно сжалось.

Она решительно поднялась со скамейки. Часики показывали без двадцати одиннадцать. «Что-то определенно случилось, – подумала Лена. – Надо идти к нему».

То же самое время.

Черноморское побережье.

Капитан Петренко

Указатель сообщал, что до Абрикосова оставалось шесть километров. Справа раскинулась площадка для отдыха. Петренко решительно направил машину туда.

Остановился, выключил зажигание. За всю дорогу он останавливался второй раз. Первую остановку он сделал, когда проезжал Адыгею, близ станицы Псекупская: долил в бак бензина из канистр.

Гаишники его не беспокоили. Близ стационарных постов – под Краснодаром, в Адыгейске, у Горячего Ключа – Петренко сбрасывал скорость, переходил на предписанные тридцать километров в час. Когда его все-таки останавливали, показывал через стекло одно из своих удостоверений – подполковника МВД. На трех засадах – а на южной трассе ближе к морю самые коварные во всей России гаишники – Петренко на свисты мильтонов даже внимания не обращал, продолжал мчать во всю мочь – пускай догоняют. Если смогут.

Петренко вышел из машины. Помассировал затылок. Повращал головой. Сделал гимнастику для глаз. Затылок и спина затекли, глаза устали. Но Петренко знал себя и знал, что через двадцать минут, когда настанет момент брать Кольцова, он будет как огурчик.

Петренко сошел с асфальтовой площадки в траву. Вокруг высились горы, поросшие голубым и зеленым лесом. Солнце шпарило вовсю. Непонятно почему, но чувствовалось, что где-то рядом – море.

Петренко вошел в низкий и густой лес, отлил. Вернулся к машине. Сержантик спал, свернувшись калачиком на заднем сиденье. Разулся, сапоги аккуратненько поставил на пол салона, намотал на голенища портянки... Так ведь он и дрых, зараза, с той самой минуты, как они шесть часов назад выехали за ворота Азова-13, ни разу не проснулся.

– Рота, подъем! – властно скомандовал Петренко.

У солдатика сработал условный рефлекс на знакомую команду. Он подскочил, чуть не пробив стриженной своей башкой крышу «волжанки».

– Быстро за руль, – приказал Петренко. – Подъезжаем.

Сейчас он справится по своему лэп-топу, где там, в Абрикосове улица Удалова Щель.

В местную милицию капитан решил не звонить. Что он, один с каким-то летчиком-инвалидом не совладает?

11.05. Абрикосово.

Лена Барышева

– Хозяйка! Хо-зйя-ка!

Ирма поставила на землю ведро, полное помидоров, и сбежала сверху, с террас, где были расположены цветник и огород.

У калитки стояла девушка. Незнакомая девушка. Явно – курортница.

– Извините, пожалуйста, – взволнованно сказала девушка, – я ищу одного своего знакомого...

– Входите, – радушно пригласила Ирма. Девушка ей понравилась – спокойная и скромная.

Ирма распахнула калитку, и они вместе с гостьей прошли мимо желтого «жигуленка» Ивана во двор. Под навесом, увитым виноградом, стоял обеденный стол. На нем уже лежали кабачки и болгарские перцы: Ирма собиралась закатывать овощную икру.

– Садитесь, – сказала Ирма. – Я сейчас кофе поставлю...

– Я только хотела спросить... Может, я не по адресу...

– Вы ищете Ванечку Кольцова, – опередив ее, проговорила Ирма.

– Да... Ивана... И, наверно, Кольцова...

– Вы – Лена и живете в санатории в двести десятой комнате?

– Да.

– Вам Иван оставил письмо.

– Письмо? А где он сам?

– Его сейчас нет. Да вы сами почитайте.

Ирма легко вбежала в дом, достала записку.

Она не была бы женщиной, когда б не прочитала ее раньше. Содержание письма ей понравилось. И незнакомая ей девушка уже тогда заочно понравилась.

Ирма опять появилась на крыльце. Девушка терпеливо ждала, с любопытством оглядывая двор – их южный, станичный, столь не похожий на московский уклад жизни.

– Извините, – проговорила Ирма, – я вам не принесла письмо утром, как Иван просил, у меня тут дела...

– Ничего.

Лена взяла из рук Ирмы линованный тетрадный листок. Торопливо развернула. Крупным четким почерком, наспех, на нем было написано:

«Прости меня, Лена.

Мне надо срочно уехать. Это очень важно. Я не знаю, как и когда, но мы с тобой обязательно встретимся.

Я опять найду тебя.

Мне кажется, что я очень тебя люблю.

Твой Иван»

«Мне кажется, что я очень тебя люблю...» – вздохнула про себя Лена и проговорила вслух:

– А все-таки все мужики – козлы.

– А ты разве сомневалась? – улыбнулась Ирма.

12.05. Абрикосово.

Капитан Петренко

Случилось самое неприятное из всего, что только могло случиться: Кольцов исчез.

Разговор с Ирмой Дегтяревой – женой того самого Василия Дегтярева, с которым Кольцов учился в военном училище на одном курсе, – дал следующую информацию: вчера Кольцов уехал на море на своей машине около семи вечера, а вернулся только поздно ночью. Хозяева, Ирма и Василий Дегтяревы, уже спали.

Во сколько конкретно вернулся на улицу Удалова Щель в дом номер тридцать Кольцов?

Ирма сообщила, что проснулась, когда услышала шум мотора. Выглянула в окно: «жигуленок» Кольцова заезжал во двор. Взглянула на часы: было половина третьего ночи.

«Значит, он вернулся сюда, к Дегтяревым, сразу после звонка в Азов-13, – подумал Петренко. – Звонок состоялся в два десять ночи. Почта отсюда, от этой Удаловой Щели, недалеко – около километра. Все сходится. Позвонил и вернулся...»

Затем гражданка Дегтярева снова уснула. Примерно через полчаса ее опять разбудил Кольцов. Он потрепал ее по плечу. Он был взволнован. Шепотом сообщил ей, что ему надо срочно уехать. Куда – не сказал. Зачем – не обмолвился и словом, и о том, куда он мог последовать, гражданка Дегтярева никакого понятия не имеет.

О письме, которое Ирма передала Лене, равно как о ее визите, она предпочла молодому красивому следователю из главной военной прокуратуры – как Петренко представился Дегтяревой – не распространяться.

Кольцов ничего не сказал Ирме о том, когда он вернется. Но Иван должен, похоже, вернуться: практически все его вещи остались у Дегтяревых. Он уехал среди ночи с одним «дипломатиком» в руках. Взял зубную щетку, электробритву... И, пожалуй, все... А главное – у Дегтяревых осталась машина Кольцова. Вот она тут, во дворе, стоит – даже незапертая.

Петренко попросил позволения, а затем досмотрел вещи Кольцова и его машину – впрочем, он досмотрел бы их и безо всякого разрешения.

Ровным счетом ничего предосудительного – ни в каком смысле этого слова – Петренко в результате осмотра не обнаружил.

Итак: в два десять ночи Кольцов звонит майору Журавлеву в Азов-13. А затем час спустя сбегает из Абрикосова. Без машины, без вещей, с одним «дипломатиком» в руках.

Вопрос: куда он побежал? И зачем?

Машину с водителем-сержантиком Петренко оставил на трассе, на улице Ленина, при повороте на Удалову Щель, чтобы лишний раз не отвечивать на тихой станичной улице черной начальнической «Волгой».

По раскаленному асфальту Петренко вернулся к «волжанке». Солдатик, открыв в машине все окна, опять дрых на заднем сиденье. Как в него столько влазит? Петренко достал из багажника свой спутниковый телефон и лэп-топ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.